

М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин

В ЛОНДОНСКОМ САЛОНЕ О. А. НОВИКОВОЙ

(Публикация Н. Д. Кочетковой)

Публикуемое исследование представляет собой раздел, не вошедший в книгу М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина «Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора» (СПб., 1994), изданную под редакцией Д. С. Лихачева. Как сообщалось в предисловии «От издательства», труд был предпринят в 1930—1950-е гг. академиком Михаилом Павловичем Алексеевым (1896—1981), не успевшим завершить начатую работу. Ученик и последователь М. П. Алексеева Юрий Давидович Левин (1920—2006), ставший, как и его учитель, почетным доктором Оксфордского университета и членом Британской Академии, привлек новые материалы, существенно дополнил справочный аппарат и подготовил книгу к печати. Как говорилось в предисловии, «учитывая его вклад в доработку и завершение исследования, согласно желанию вдовы М. П. Алексеева, Н. В. Алексеевой, Ю. Д. Левин признан соавтором книги».¹ Из-за слишком большого объема исследования тогда пришлось исключить публикуемый здесь раздел. Между тем он представляет несомненный интерес для истории русско-английских культурных контактов, которым посвящены многолетние исследования обоих авторов.

¹ От издательства // *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. С приложением писем Рольстона к русским корреспондентам. СПб., 1994. С. 4.

В предисловии к своему фундаментальному труду «Русско-английские литературные связи» (XVIII век—первая половина XIX века)», изданному в 1982 г. в «Литературном наследстве», к сожалению, уже посмертно, М. П. Алексеев писал: «Оказалось, что между отдельными найденными рукописями, разновременными и, как представлялось, случайными, существует сложная внутренняя связь, а сами они зачастую являются важными и заметными звеньями в целой цепи устойчивых личных контактов или творческой зависимости между русскими и английскими поэтами и литераторами <...>. Удалось установить, <...> какие отношения связывали между собою английских и русских корреспондентов, что волновало или воодушевляло их, когда они посылали свои письма из городов Англии в русские местности или обратно и т. д.».² Стремясь охарактеризовать «всех важнейших участников англо-русского сближения прошлого времени», М. П. Алексеев остановил свое внимание на писательнице Ольге Алексеевне Новиковой (урожденной Киреевой, 1840—1925)³ и ее связях с Англией. Главу, посвященную Новиковой, предполагалось включить во второй том труда М. П. Алексеева, который в 1984 г. начинал готовить Ю. Д. Левин. Об этом он сообщал московской переводчице, архивисту и библиографу Мире Иосифовне Перпер, осуществившей большую работу по сверке английских цитат и ссылок в первом томе труда. Приводим это письмо:

31 июля 1984
Ленинград

Глубокоуважаемая Мира Иосифовна!

Вы были настолько любезны, что разрешили мне в необходимых случаях обращаться к Вам за помощью, и я не преминул воспользоваться этим Вашим разрешением.

Как я уже писал Вам, я занимаюсь сейчас приведением в порядок оставшихся материалов М. П. Алексеева для 2-го тома «Литературного наследства», посвященного русско-английским литературным связям. Приходится не только исправлять ошибки и неточности (которых, как Вы знаете, более чем достаточно), но в ряде случаев доводить текст до сегодняшнего уровня, поскольку некоторые сохранившиеся тексты имеют чуть ли не полувековую давность.

² Алексеев М. П. От автора // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 12.

³ См. о ней также: Дмитриев В. Д., Майорова О. Е. Новикова О. А. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. М—П. С. 342—344. Из новых материалов об О. А. Новиковой особенно существенна публикация неизвестных ранее 22 писем к ней И. А. Гончарова за 1864—1867 гг. См.: Гончаров и О. А. Новикова // Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна. Повесть. Избранные письма / Сост., подгот. текста и коммент. О. А. Марфиной-Демиховской и Е. К. Демиховской. Псков, 1992. С. 155—183. Автографы хранятся в ИРЛИ (ф. 137, оп. 2, ед. хр. 17), а также публикация 7 писем Новиковой к Достоевскому. См.: Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А. О. Ишимова, О. А. Новикова, М. А. Поливанова) / Подгот. текстов и коммент. С. А. Ипатовой // Достоевский: Материалы и исследования. 13. К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. СПб., 1996. С. 247—263.

В настоящее время я обрабатываю главу, посвященную лондонскому салону О. А. Новиковой. В этой главе, в частности, приводятся два письма Г. Бичер-Стоу к Новиковой, оригиналы которых некогда хранились в ГАФКЭ (так указано у М. П.), а сейчас, как выяснилось, находятся в ЦГАЛИ (ф. 345, ед. хр. 99). У М. П. эти письма датированы: 25 июня 1867 г. и 30 июня 1870 г.

Не могли бы Вы, когда Вам доведется попасть в ЦГАЛИ по своим делам, заодно проверить, какие из этих датировок верны? Это для меня очень существенно, потому что, если у М. П. даты даны ошибочно, надо будет не только их исправить, но также внести некоторые коррективы в комментирующий текст, опирающийся на эти даты. Попасть же в Москву мне в ближайшее время не удастся.

Надеюсь, что выполнение моей просьбы не потребует от Вас больших трудов, и заранее благодарю Вас за помощь и сочувствие.

Искренне уважающий Вас Ю. Левин⁴

В ответном письме М. И. Перпер от 8 августа 1984 г. содержится важная информация о судьбе этой части архива Новиковой:

...По существу дела. Я когда-то готовила для Собр. соч. Тургенева его письма и записки к Новиковой. Ее фонд в ЦГАЛИ я привела в порядок. Это было лет 30 назад, т. е. в 50-х или в начале 1960-х. Тогда и несколько позже (т. е. одновременно и после разборки материалов из ЦГАЛИ) я познакомилась с ее фондом в Ленинской б<иблите>ке и потом в Публичной (когда ездила в Ленинград). Цгалийский фонд подпал в свое время под распоряжение отделять конверты от писем (как и фонд Тургенева там же), и я потратила много времени, чтобы воссоединить письма с конвертами, установить точные даты писем, а часто и имена корреспондентов. Многие письма я себе переписала, в том числе письма Ролстона. Потом, когда в Англии появилась статья Михаила Павловича,⁵ я писала ему по поводу каких-то неточностей, в том числе и в датировке Ролстоновых писем, и он мне любезно и подробно отвечал. В этом отношении я могу Вам помочь.

Тетрадь же, в которой были переписаны письма Бичер Стоу, я отыскать у себя не могла и, сколько припоминаю, она была давно утрачена. Помню, когда появилась публикация Орловой,⁶ а потом и книжка ее («Хижина, устоявшая века», 1975, где эти письма на с. 88—89), я уже не имела возможности сверить тексты со своей копией, но не нашла и возражений, кроме качества перевода. Думаю, что ее даты верны. Она могла пользоваться (как видно из того, что она пишет о письмах) уже и конвертами, мною соединенными с письмами, чего Михаил Павлович, видимо, сделать не мог. Отсюда и ошибки у него (легко спутать сокращ<енные> словесные обозначения января и июня по-английски). По содержанию же, первое письмо относится, несомненно, к 1869 г., п<отому> ч<то> именно тогда вышла книга «Oldtown Folks»; разница в полгода между первым и вторым письмом вполне естественна. Разница в год уже мало вероятна (ведь оба письма связаны). Все эти рассуждения имеют целью помочь Вам не тратить времени и сразу внести коррективы, о которых Вы пишете. <...> Не знаю, сохранили ли в архиве мои надписи; я думаю, что Орлова могла еще ими воспользоваться (я вносила исправления пря-

⁴ Переписка Ю. Д. Левина и М. И. Перпер находится в архиве Ю. Д. Левина: РО ИРЛИ, ф. 865. Здесь и в тексте основной публикации названия архивов приводятся, как в оригинале.

⁵ См.: Alexeyev M. P. William Ralston and Russian Writers of the Later Nineteenth Century // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 83—93.

⁶ См.: Орлова Р. Два письма Бичер-Стоу в Россию // Вопросы литературы. 1970. № 6. С. 253.

мо в описи и вставляла туда же даты, когда было можно, либо вкладывала листы прямо в дело с указанием дат) и, надеюсь, была аккуратна...

Далее, 20 декабря 1984 г. М. И. Перпер сообщала:

...сегодня я была в ЦГАЛИ и получила опись фонда О. А. Новиковой, — уже переписанную в исправленном виде в 1965 г., т. е. после того как я приводила этот фонд в порядок. Там значится (фонд 345, оп. 1, ед. хр. 99) письма Г. Бичер-Стоу (два), 26 июня 1869 г. и 30 января 1870 г. Думаю, что этого достаточно для Вашего спокойствия...

Глава о Новиковой была включена в подготовленную к 1987 г. книгу М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина «Из истории русско-английских литературных связей: (Вторая половина XIX века)», куда вошел также раздел, посвященный Рольстону. Однако удалось напечатать лишь этот последний раздел в упомянутой выше книге «Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора» (1994). Глава о Новиковой оставалась неопубликованной, хотя была высоко оценена в рецензии В. Д. Рака, датированной 13 июля 1987 г. Он писал: «Давно уже назрела необходимость в трезвой, спокойной и исторически объективной оценке О. А. Новиковой, и соответствующая глава закладывает этому солидное основание».

В этой работе впервые так обстоятельно, с привлечением новых архивных материалов, рассматривается круг общения Новиковой в Лондоне, где она провела значительную часть жизни, выполняя роль политического и культурного посредника между Россией и Англией. В книге о Рольстоне было опубликовано 46 его писем и записок к Новиковой, сопровождаемых лишь краткой преамбулой.⁷ В публикуемом разделе не только существенно расширяются сведения о связях Новиковой с английскими политиками и писателями, но всесторонне и объективно оценивается ее общественно-литературная позиция, ее роль в обсуждении насущных вопросов русской жизни. В оригинале и в переводе публикуются хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства и Рукописном отделе Пушкинского Дома письма к Новиковой таких английских писателей и общественных деятелей, как Г.-Э. Бичер-Стоу, О. Уайльд, Дж. Мередит, М. Арнольд, М. Корелли, Р. Уайтинг и др. Большую научную ценность представляют обширные комментарии М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина.

Печатается по машинописному экземпляру с правкой и рукописными вставками Ю. Д. Левина, хранящемуся в Рукописном отделе Пушкинского Дома в архиве Ю. Д. Левина (ф. 865). Примечания публикатора заключены в квадратные скобки.

⁷ *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. С. 138—192.

В лондонском салоне О. А. Новиковой

Семья Киреевых. — О. А. Новикова в переписке с И. С. Тургеневым и И. А. Гончаровым. — Письма к ней Бичер Стоу. — Начало лондонской карьеры. — Новикова и Кинглек. — Новикова и борьба парламентских партий в Лондоне в 70—80-е гг. — Английские друзья Новиковой. — Ее знакомство с Дж. Эллиот и дружба с Карлейлем. — Письма к ней Мэтью Арнольда, Оскара Уайльда, Джорджа Мередита, Генри Джеймса.

1

В Москве 1820—1830-х гг. шумной славой пользовалась известная красавица Александра Васильевна Алябьева (1812—1891). Именно о ней Пушкин, обращаясь к Н. С. Юсупову, писал накануне своей женитьбы: «С восторгом ценишь ты / И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой...» («К вельможе», 1830). Когда в середине 30-х гг. на масленицу она однажды приехала в Петербург и первый раз появилась в собрании, то «сказывают, — писал П. А. Вяземский к А. И. Тургеневу, — поднялась такая возня, что не приведи Боже: бегали за нею, толпились, окружали ее, смотрели в глаза, лазали на стулья, на окна: „Et tout Paris charmé se leva pour la voir“ <«И весь очарованный Париж поднялся, чтобы ее увидеть»>. Пошли сравнения с Завадовскою, с Пушкиною; только и разговоров, что о ней». «Я был у нее, — прибавляет Вяземский в том же письме. — Она в самом деле очень хороша, хотя, кажется, несколько и потучнела; говорила о тебе и кланяется».¹ Известен экспромт Лермонтова об Алябьевой 1831 г.; внешнему блеску красавицы поэт противопоставляет ее сердечную холодность.² Впоследствии, в 1844—1845 гг., Н. М. Языков также посвятил ей несколько стихотворений, в которых с восторгом отзывался о «силе» ее красоты. Он писал, что если бы она жила «между греков в древни дни», то они бы ее «боготворили» и воздвигали ей алтари и храмы. Несмотря на упоминание древних греков, цензура подозрительно отнеслась к

¹ Письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 8/20 февр. 1836 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 296; 1908. Т. 3 (примеч.). С. 677—678. Об А. В. Алябьевой-Киреевой см. также: *Пасек Т. П.* Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 2. С. 190; портрет ее: *Художественные сокровища России.* 1907. Вып. 6. С. XVIII.

² *Лермонтов М. Ю.* Соч.: В 6 т. М.; Л., 1954. Т. 1. С. 257.

этому слишком восторженному прославлению и запретила те стихи, в которых поэт признавался:

Я бы рад краеугольный
Камень храма положить
И алтарь вам богомольный
Всенародно посвятить...³

В одно из посвященных ей стихотворений Языков не случайно вплетает новый мотив: поэт славит ее за то, что она не похожа на «тех жен», которых «Запад ласково <...> тянет в свои объятия», и которые от

...православного закона
Своей родительской земли
Под ветротленные знамена
Заморской нехристи ушли...

«Но вы, — прибавлял Языков, —

Он вас к себе не переманит
Никак, — нет, вы не таковы...
.....
Вы чисто нам принадлежите,
Родной, славянской стороне...⁴

Смысл этой похвалы был вполне понятен для современников. А. В. Алябьева, бывшая уже замужем (с 1832 г.) за А. Н. Киреевым, считалась в Москве в 40-е гг. одной из вдохновительниц славянофилов. Дом Киреевых был в то время любимым местом их собраний, их своего рода идейным центром. Муж Александры Васильевны, Алексей Николаевич Киреев (1812—1849), в молодости находился в Саксонии и Баварии (одновременно с П. В. Киреевским и Н. М. Рожалиным), короткое время состоял при русском посольстве в Дрездене; возвратившись на родину, поступил было в гусарский полк, но вскоре вышел в отставку и занялся устройством своих имений. В 40-х гг. это был убежденный славянофил, горячий противник крепостного права; за два

³ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений / Ред. М. К. Азадовского. М.; Л., 1934. С. 609. В другом посвященном А. В. Киреевой стихотворении Языков писал:

...Нет, вы прекрасны,
Вы просто чудо красоты!
Нет! вы всего меня смутили
В тот вечно памятный мне час,
Как на меня вы обратили
Лучи огнистых ваших глаз...

(Там же. С. 610—611)

⁴ Там же. С. 628.

дцать лет до реформы им был написан проект освобождения крестьян с землею; его близкими друзьями и частыми гостями были А. С. Хомяков и Иван Аксаков.⁵ Жена его была не менее близка к славянофильским кругам, хотя иным из ее современников и казались забавными и претенциозными роль идейной вдохновительницы славянофильского движения, которую она старалась играть, и обычаи ее литературного «салона», значение которого она явно склонна была преувеличивать.⁶

Киреевы жили то в Москве, то в небольшом своем имении Сенькине, Подольского уезда, Московской губернии.⁷ У них было трое детей: два сына — Александр (1833—1910)⁸ и Николай (1841—1876) и дочь Ольга (29 апреля 1840—21 апреля 1925); воспитателем всех троих был Николай I. Ольге было всего девять лет, когда умер ее отец; она росла в обществе матери, учителей и гувернанток, с детства впитывая влияния той идейной среды, к которой тяготела ее мать, и усваивая многие материнские привычки: общительность, интеллектуальные интересы, стремление играть какую-то роль в литературном мире.

⁵ Об А. Н. Кирееве см.: Остафьевский архив... Т. 3 (примеч.). С. 678; The M. P. for Russia. Reminiscences and correspondence of Madame Olga Novicoff. Ed. by W. T. Stead. London, 1909. Vol. 1. P. 7—9 (далее в ссылках: *Stead*). Русский перевод этого труда: Депутат от России. (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / Составил W. T. Stead; Перевод Е. С. Мосоловой. СПб., 1909. Пг., 1915. <Т. 1>.

⁶ См.: *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 56—57.

⁷ «Нам довелось лет пятнадцать тому назад лично посетить это дворянское, к тому времени уже полуразрушенное, гнездо, — вспоминал А. М. Белов. — Небольшой отлогий холм с барской усадьбой наверху. Внизу шумит извилистая речка Пахра. Несколько поодаль лепятся по холмистым берегам хижины крестьян деревни Сенькиной. Кругом простор полей и звенящая в ушах тишина: далеко и от железной дороги, еще дальше от шоссе» (*Белов А.* Зарубежная публицистика // Исторический вестник. 1909. Т. 116. № 5. С. 543). В этом «мирном, дремлющем уголке» протекло детство О. А. Новиковой.

⁸ А. А. Киреев дослужился до чина генерала от кавалерии и стал адъютантом вел. кн. Константина Константиновича; он был также писателем-публицистом славянофильского толка и заслужил репутацию видного богослова. Большая часть его статей посвящена так называемому «старокатолическому движению» и вопросам соединения западной и восточной церквей; он помещал их в русских и иностранных специальных изданиях («*Revue internationale de théologie*») и состоял в постоянной переписке с западными теологами (Doellinger, Langen, Friedrich, Michaud, Reinkens, Herzog и др.). После его смерти О. А. Новикова напечатала в Швейцарии на французском языке книгу о своем брате (*Novikoff M-me Olga. Le général Alexandre Kiréeff et l'ancien-catholicisme*. Berne, 1911; nouv. édition augmentée. Berne, 1914), куда вошли его статьи, выдержки из его писем к ней, ее воспоминания о брате и т. д. Кроме того, она опубликовала письма А. А. Киреева к профессору Мишо (*Quelques lettres du général Alexandre Kiréeff an professeur Michaud sur l'ancien-catholicisme, publiées par Madame Olga Novicoff, née Kiréeff*. Paris; Neuchâtel, s. a.). Архив А. А. Киреева, в котором имеются также письма О. А. Новиковой и к ней, хранятся в Российской национальной библиотеке (ф. 349; см.: Краткий отчет Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина за 1914—1938 гг. Л., 1940. С. 200—201). О Николае Кирееве см. ниже, примеч. 59.

Между прочим, в традициях семьи Киреевых было настоящее «англофильство», не случайно, конечно, разделявшееся многими из ранних славянофилов. Отец Ольги Алексеевны, по словам ее биографа Стэда, «соединял со своим славянофильским энтузиазмом большой интерес и симпатию к Англии», которые возникли у него еще в школьные годы и впоследствии поддержаны были его друзьями. Со слов самой Ольги Алексеевны Стэд указывает, что А. Н. Киреев «воспитывался шотландским наставником по имени Бакстер, который впоследствии был избран депутатом в парламент от города Данди и еще позднее сделался одним из младших членов в первом министерстве Гладстона», — обстоятельство, быть может, до известной степени разясняющее нам столь легко наладившиеся впоследствии связи О. А. Новиковой с английскими парламентскими кругами. «Между шотландским наставником и русским учеником, — прибавляет Стэд, — установилась дружба, продолжавшаяся до поступления Киреева в Лейпцигский университет».⁹ Любопытно, что английский язык прекрасно знала и мать Ольги Алексеевны: переписка ее с А. Н. Киреевым и до и после их свадьбы велась главным образом по-английски. Неудивительно, что уже в родном доме Ольга Алексеевна прекрасно усвоила английский язык, позднее она овладела им в совершенстве.¹⁰

В 1860 г. Ольга Алексеевна вышла замуж за Ивана Петровича Новикова, тогда полковника Генерального штаба.¹¹ Вскоре он был произведен в генералы и назначен состоять при вел. кн. Николае Николаевиче, брате императора Александра II. Замужество еще больше приблизило О. А. Новикову к аристократическому миру столицы и доставило ей много новых влиятельных знакомств в придворных сферах. Она жила большею частью за границей, вращаясь в обществе, близком к дипломатическим кругам, к миру искусства и литературы. Еще за год до замужества она совершила путешествие по Германии и здесь, в Дрездене, через посредство Каролины Павловой, познакомилась с Бертольдом Ауэрбахом, который, по сведениям, идущим от нее самой, настолько ею заинтересовался, что вложил многие из ее суждений в уста героини своего романа «На высоте» («Auf der Höhe», 1865) — графини

⁹ *Stead*, Vol. I. P. 7—8.

¹⁰ *Ibid.*, P. 8. Ср. отзыв А. М. Белова: «Мать Ольги Новиковой <...> прекрасно говорила и писала по-английски. Немудрено, что впоследствии ее дочь приводила в изумление англичан, с недоумением спрашивавших ее, откуда у нее такое знание чисто английских оборотов речи и выражений. Гладстон находил даже, что ее стиль чище и правильнее, чем у многих природных англичанок» (Исторический вестник. 1909. Т. 116. № 5. С. 544).

¹¹ См.: *Stead*, Vol. I. P. 13; Нива. 1883. № 2. С. 40—42 (с портретом О. А. Новиковой).

Ирмы фон Вильденорт.¹² Позднее она жила в Вене, куда младший брат ее мужа Е. И. Новиков был назначен послом.¹³ Некоторые из завязавшихся у нее тогда знакомств в дипломатических сферах пригодились ей впоследствии, когда она жила уже в Лондоне; так, тогдашний австрийский канцлер, граф Ф. Ф. фон Бейст, писал ей экспромты и очень дорожил ее обществом. По собственным воспоминаниям Новиковой, свои стихотворные иероглифы, «которые нужно было читать сердцем, а не глазами»,¹⁴ он продолжал сочинять для нее и тогда, когда они встречались с ним в Лондоне, после назначения его австрийским посланником при великобританском дворе. В числе русских друзей Новиковой, с которыми она вела переписку и из-за границы, были, между прочим, Н. А. Милютин, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков, К. Ф. Головин, Д. А. Валуев, гр. Александр Кайзерлинг (исследователь средней России и Печорского края, впоследствии попечитель Дерптского учебного округа).

Литературные знакомства О. А. Новиковой были в эти годы также обширны и весьма разнообразны. Между прочим, в 1866 г. в Мариенбаде с нею встретился лечившийся там на водах И. А. Гончаров, на которого она произвела сильное впечатление. 15/27 июня он писал об этом Тургеневу, знавшему Новикovu раньше:¹⁵ «Она страстная Ваша поклонница, и я Вас с завистью с этим поздравляю. Ее внимание дешево купить нельзя, так же как нельзя и скрыть от нее не только какой-

¹² *Stead*. Vol. 1. P. 11—12; Исторический вестник. 1909. Т. 116. № 5. С. 545. В собрании О. А. Новиковой сохранилось письмо Б. Ауэрбаха к К. К. Павловой от 19 марта 1859 г.; см.: Неизвестные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний / Под ред. М. П. Алексева. М.; Л., 1960. С. 303—304.

¹³ *Евгений Петрович Новиков* (1826—1903), сыгравший немалую роль в расширении знакомств Ольги Алексеевны в дипломатическом мире, окончил курс историко-филологического факультета Московского университета, защитил диссертацию на степень магистра на тему: «О важнейших особенностях лужицких наречий» (М., 1849), написал большой и серьезный труд «Гус и Лютер» (М., 1859. 2 ч.), а затем поступил на службу в Министерство иностранных дел. В 1865 г. он был назначен русским посланником при греческом дворе, с 1870 г. был послом в Вене, а в 1880—1882 гг. — послом в Константинополе. Позднее стал членом Государственного совета. См. о нем: *Митусов С. Н.* Из моих воспоминаний о после Е. П. Новикове // Русская старина. 1911. Т. 146. № 4. С. 93—94; *Арбузов Н. К.* Из воспоминаний о Царь-Граде. Евгений Петрович Новиков — наш посол в Константинополе (1880—1882 гг.) // Исторический вестник. 1914. Т. 138. № 12. С. 801—837.

¹⁴ *Stead*. Vol. 1. P. 48.

¹⁵ Сохранились записки Тургенева к О. А. Киреевой (т. е. до ее замужества), относящиеся ко времени его пребывания в Москве в январе—феврале 1860 г.; они позволяют заключить, что уже тогда Ольга Алексеевна искала знакомства с известным писателем, приглашала его в свой дом и обращалась к нему с письмами по разным поводам (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 16, 17, 21).

нибудь уродливости, но и малейшей Schwachheit, Insuffision <слабости, недостаточности> — она чует Вашу мысль при ее, так сказать, первом всходе в мозгу, ловит и объясняет малейший намек, по одному тону видит вперед всю музыку — и при этом искренно-детски способна увлекаться и наслаждаться всем, что есть ум, искусство, всякая нравственная сила. Я не знаю ее почти вовсе: может быть, все это, т. е. разносторонность и универсальность ума, легкость и тонкость чутья, способность увлекаться, мешают ей быть глубокой и сосредоточенной — так кажется при поверхностном наблюдении — но во всяком случае — со всем этим легче, здоровее и естественнее живется, нежели с глубокими и сосредоточенными взглядами, чувствами, а вместе с тем и с глубокими печалью. Не будь я такой старый пень, источенный насквозь червями лет и анализа, я бы благословил судьбу за ниспосланное собеседничество такой женщины в течение трех-четырёх недель в глуши божьего соснового леса». ¹⁶

Ответное письмо Тургенева неизвестно, но, по-видимому, он внес некоторые существенные поправки в этот слишком восторженный отзыв, потому что в следующем же письме от 30 июня/12 июля 1866 г. Гончаров пишет Ивану Сергеевичу: «О Madame N. Вы судите верно, Вы тонкий до неприятности (для наблюдаемого предмета) наблюдатель; но в сказанном мною о ней в письме к Вам не ищите строгой истины, а примите кое-что за комплимент, который я ей самой поднес, вместе с букетом, на третий или четвертый день приезда сюда и который записан слово в слово в письме к Вам, о чем ей и доложил, даже показал те строки».

Тем не менее и это новое письмо Гончарова Тургеневу посвящено преимущественно Новиковой: он внимательно присматривался к ней, изучал ее как опытный художник, много раз проверял свои первые впечатления от собеседницы и на досуге вновь набросал Тургеневу ее характеристику, на этот раз более точно отвечавшую его действительным мыслям о ней. Эта написанная великим мастером русского романа страница стоит того, чтобы воспроизвести ее, хотя бы в отрывках, так как она дает живое представление о человеке.

Гончаров не менее Тургенева оказался здесь «тонким до неприятности» наблюдателем; он сумел схватить и воспроизвести очень характерные черты личности О. А. Новиковой и ее умственного склада. «...она, — писал Гончаров, — очень умна и тем непрощительнее ей раскидывать свое внимание на толпу, отыскивать авторитеты и непременно требовать от них и, лучше сказать, непременно видеть в них и

¹⁶ И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского дома / С предисл. и примеч. Б. Энгельгардта. Пг., 1923. С. 47—48.

ум, и душу, etc. etc., потому только, что они — авторитеты. Об этом я уже успел доложить ей, заметив, что это искание знаменитостей, стремление сблизиться с ними, видеть в них непременно то, другое, третье, чего иногда вовсе нет, потом вообще обставляя себя толпой, устраивать свиту, стараться входить с теми или другими замечательными личностями в те или другие сношения — все это такие устарелые общие места, что даже не хочется простому человеку искать внимания такой женщины. Потом я, не далее как вчера, заметил ей, что она отчасти кокетлива. „Зачем, мол, было Вам искать какого-нибудь Ауэрбаха: чорт ли в нем как в лице, в человеке. Вы ведь знаете его книги, а что за дело до лица? И отчего Вы около себя в другом не ищите того, что могло Вас занять (или Вы предполагаете, что могло Вас занять) в Тургеневе? Ужели умное слово, тонкое наблюдение, струя поэзии — возможна или драгоценна Вам только в таком человеке и все это теряет цену, если Вы встретите его там, где непременно предполагали?“ <...> Нет, я не согласен: *восторженности* в ней нет, а если есть, то она искусственная и надуманная. Для наивной восторженности — она умна. Только одна жизнь в толпе и бестолковая, мелочная трата ума и внимания мешает ей сосредоточенно поверить себя и отделаться от этих общих мест, о которых сказано выше. А может быть, и самолюбие тоже». ¹⁷ В конечном счете, первоначально слишком восторженный отзыв Гончарова об О. А. Новиковой стал суров и даже беспощаден; но и в нем чувствуется некоторое доброжелательство, вера в ее трезвый ум, своего рода житейскую талантливость.

Любопытными штрихами облик О. А. Новиковой дополняют письма к ней Тургенева, адресованные в Мариенбад и писанные им тогда же, летом 1866 г. Еще до приезда туда Гончарова Новикова, озабоченная расширением круга и поддержанием своих литературных знакомств, решила напомнить о себе автору «Отцов и детей», находившемуся в Баден-Бадене, и тот не замедлил откликнуться. ¹⁸ Судя по ответу

¹⁷ Там же. С. 50—51. В следующем письме к Тургеневу от 31 июля/12 авг. 1866 г. Гончаров замечал, что Новикова «очень любезная и добрая и умная особа, но слишком свету и толпе преданная...» (Там же. С. 54). По указанию А. Мазона (*Mazon A. Un maître du roman russe, Ivan Gontcharov. 1812—1891. Paris, 1914. P. 447*), в одном частном собрании хранились 22 письма и записки И. А. Гончарова к О. А. Новиковой, относящиеся к 1860-м гг.; они не были опубликованы и местонахождение их в настоящее время неизвестно. [Эти письма (1864—1867) опубликованы в издании: *Гончаров И. А. Нимфодора Ивановна. Повесть. Избранные письма / Составление, подгот. текста и коммент. О. А. Марфиной-Демиховской и Е. К. Демиховской. Псков, 1992. С. 155—183. Автографы хранятся в ИРЛИ (ф. 137, оп. 2, ед. хр. 17).]*

¹⁸ Гончаров приехал в Мариенбад 6 (18) июня 1866 г. (см.: *Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 157*). Новикова же писала Тургеневу до 4 (16) июня (дата его ответного письма).

Тургенева, Новикова, общавшаяся в Мариенбаде с Ауэрбахом (о чем, в частности, свидетельствует приведенное письмо Гончарова), интересовалась судьбою русского перевода романа «На высоте», в котором, как отмечалось выше, она была лично заинтересована. Тургенев отвечал в присущей ему светской манере: «Вы так убедительно просите о таком незначительном деле — любезнейшая госпожа Новикова (извините этот французский оборот — я, каюсь, забыл Ваше отчество) — что мне поневоле вспомнились слова сказки: „Это службишка, не служба“ (стих из «Конька-горбунка» П. П. Ершова. — Ю. Л.). Спешу исполнить Ваше желание. — При последнем свидании моем с Ауэрбахом — у нас зашла речь о переводе его романа на русский язык с особым предисловием от его имени; я написал одному петербургскому знакомому об этом намерении и получил ответ, что роман уже переведен и должен появиться в одном повременном издании. Я сообщил об этом Ауэрбаху — и тем дело кончилось. Действительно был ли издан этот перевод — я не знаю: но об этом легко справиться в Петербурге — через книгопродавца Кожанчикова, например». О себе Тургенев сообщал: «...я поселился здесь, кажется, навсегда, здоровьем своим доволен — и на родину не собираюсь. Литературный труд мой (роман «Дым». — Ю. Л.) едва начат — и весьма далек от окончания. Спешить я не вижу надобности — так как о печатании уже не помышляю».¹⁹

Получив ответ Тургенева, Новикова обратилась к нему с новым письмом. На этот раз она просила его узнать баден-баденский адрес Мухановой, известной светской женщины, которая некоторыми своими чертами напоминала ее самое. М. Ф. Муханова была женою С. С. Муханова, за которого вышла вторым браком в 1865 г., — до этого она называлась Мария Калержи (урожденная Нессельроде, 1823—1874) и прославилась дружбой со многими знаменитостями литературного и артистического мира; хозяйка парижского салона в первые годы империи, воспетая Теофилом Готье в одном из знаменитейших стихотворений его «Эмалей и камней» («La Symphonie en Blanc Majesté») и Генрихом Гейне, она числила среди своих друзей Альфреда де Мюссе, Ференца Листа и Рихарда Вагнера.²⁰

Тургенев немедленно ответил Новиковой учтивой запиской (Баден-Баден, 28 июня/10 июля 1866 г.): «Любезнейшая Ольга Алексеевна, спешу довести до Вашего сведения, что г-жа Муханова (Калержи) дей-

¹⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 83—84.

²⁰ О Марии Калержи-Мухановой см.: Соллогуб В. А. Воспоминания / Ред., предисл. и примеч. С. П. Шестерикова. М.; Л., 1931. С. 480; Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. 3-е изд. М.; Л., 1928. С. 364.

ствительно проживает здесь в собственном доме — и, сколько я слышал, не намерена вскорости покинуть Баден. Я с тем большей готовностью сообщаю желаемую Вами справку, что это может доставить нам удовольствие видеть Вас в Бадене. Я передал В. П. Боткину Ваш поклон — он очень благодарен Вам за память — но в Мариенбад ему не дорога, так как он собирается на морские ванны — а Богемия только у Шекспира считается приморским государством. Засим, в ожидании приятного свидания, прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и преданности».²¹

Новикова действительно приехала вскоре в Баден-Баден, о чем свидетельствует сохранившаяся записка к ней Тургенева.²² А написанное им через год новое письмо к ней (Баден-Баден, 29 июня/11 июля 1867 г.) позволяет установить, что она была близко знакома, кроме упоминающихся также и здесь Гончарова и Боткина, с Полиной Виардо и Я. П. Полонским;²³ помимо того, мы знаем о ее дружеских встречах с Ф. И. Тютчевым и Каролиной Павловой.²⁴

²¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 6. С. 88.

²² Там же. С. 94. «Г-жа Новикова покинула Баден и свирепствует теперь в Эмсе», — писал Тургенев В. П. Боткину 10/22 авг. 1866 г. (Там же. С. 95). Эти слова свидетельствуют, что между близкими друзьями Тургенев не щадил Ольгу Алексеевну. Через полтора года, отвечая на какие-то замечания Я. П. Полонского о литературных опытах Новиковой, он писал ему 22 февр./5 марта 1868 г.: «Толстая „восторженница“ Новикова представляет мало-разработанный и, в сущности, нелюбопытный тип <...> Я, к сожалению, заметил, что у нас все любительницы литературы принадлежат к разряду рыл и мордемоний. Ты ей этого, однако, не говори, а, напротив, поддерживай священный жар» (Там же. Т. 7 С. 72—73; ср. отзыв Тургенева о Новиковой в письме к П. Виардо от 8/20 июня 1868 г.: Там же. С. 158). Наконец, Н. А. Островская вспоминает следующий рассказ Тургенева: «„Я в Мариенбаде был в молодости, и мне хотелось съездить туда на денек ради воспоминаний. А теперь ни за что не поеду, чтобы Новиковой не попасться. Вы не можете себе представить, что это за госпожа: она, если привяжется, способна вконец истерзать человека“. — „Разве так уж от нее нельзя отделаться?“ — „Отделаться от Новиковой! Видно, что вы не имеете понятия об ней. Если против нее выставить семь крупковских пушек, и то не отделаешься!“» (*Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе // Тургеневский сборник. Пг., 1915. С. 106*).

²³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 6. С. 285—286. Сохранились записки Тургенева к Новиковой 1879—1880 гг., связанные с его участием в литературных чтениях и взаимными визитами (Там же. 1967. Т. 12, кн. 2. С. 38—40, 43, 49, 50, 52, 242, 266; 1968. Т. 13, кн. 1. С. 22—23). Стоит отметить, что Тургенев хорошо был знаком также с матерью Ольги Алексеевны — А. В. Киреевой, на вечерах у которой он бывал в начале 60-х гг. (см. его письмо к Н. В. Сушкову от 20 янв./1 февр. 1860 г. Там же. Т. 4. С. 15).

²⁴ А. В. Никитенко отметил в своем дневнике 26 марта 1870 г. свое знакомство с О. А. Новиковой на вечере у Ф. И. Тютчева и назвал ее «изящной и умной дамой» (*Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М., 1956. Т. 3. С. 172*). Каролина Павлова знала Ольгу

Тонко подмеченная Гончаровым страсть Новиковой к общению с людьми, жадность к новым встречам и беседам, к настоящему «исканию знаменитостей», стремление «устраивать свиту» сказалось и в этом ее, как будто случайном, обмене письмами с Тургеневым. Эти унаследованные ею от матери «ученые и литературные стремления <...>, но, по крайней мере относительно иностранцев, с большею удачею», как ядовито замечает Б. Н. Чичерин,²⁵ не только не покинули ее в более поздние годы, но окрепли и проявились с новой силой. В одном из московских рукописных альбомов начала 80-х гг., наполненных автографами многих знаменитостей европейской литературы и искусства, Новикова сделала очень характерную запись, в которой лишний раз засвидетельствовала свое непреодолимое тяготение к лицам, получившим известность, к поискам новых знакомств, создающих почву для интенсивного «интеллектуального обмена». «Ничто так не полезно, — записала О. А. Новикова в альбом О. Козловой, — как соприкосновение с людьми, моральное превосходство которых не вызывает

Кирееву еще ребенком и посвятила ей три стихотворных экспромта. Первый из них («Impromptu») датирован 22 янв. 1851 г. и написан, по-видимому, на заданные рифмы:

Каких-нибудь стихов вы требуете, *Ольга!*
Увы! стихи теперь на всех наводят *сон...*
Ведь рифма, знаете, блестящая лишь *фольга,*
Куплет частехонько однообразный *звон!* и т. д.

(впервые опубликовано по списку ЦГАЛИ: *Павлова Каролина*. Полн. собр. стихотворений / Подгот. текста и примеч. Н. М. Гайденкова. М.; Л., 1964. С. 149). Два экспромта относятся ко времени их встреч в Дрездене. Один из них, французский, 23 марта 1859 г., озаглавленный «Réponse improvisée en discutant (inutilement) avec une jeune progressiste — Olga Kiréeff» («Ответ-импровизация во время спора (бесполезного) с юной прогрессисткой — Ольгой Киреевой» — впервые по автографу ИРЛИ: *Павлова Каролина*. Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. Е. Казанович. Л., 1939. С. 374—375), бросает свет на содержание их бесед: очевидно, Ольга Алексеевна придерживалась в это время весьма «либеральных» мнений по общественно-политическим вопросам. Другой экспромт, русский, 6 апр. 1859 г., свидетельствует, что К. Павлова посвящала Ольгу Алексеевну в тайны русского стихотворства:

Экспромт. Во время урока стихосложения
Что стали в пень вы, Ольга Алексевна?
Зачем глядеть, с карандашом в руке,
На белый лист так мрачно и плачевно?
Скажите мне, *carissima, perché?..* и т. д.

(впервые с неточностями в кн.: *Рапгоф Борис*. К. Павлова. Материалы для изучения жизни и творчества. Пг., 1916. С. 86). Известно также письмо К. К. Павловой к О. А. Новиковой из Дрездена от 10/22 июля 1860 г. (см.: Там же. С. 73—75).

²⁵ Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. С. 57.

ни малейшего сомнения».²⁶ Немало свидетельств того же находится в богатейшем архиве О. А. Новиковой, разработка которого представит значительный интерес и для истории русской дипломатии и для истории русско-европейских культурных взаимоотношений в конце XIX столетия.

В числе наиболее ранних и примечательных документов этого архива находятся два письма к Новиковой американской писательницы Гарриет-Элизабет Бичер-Стоу (Harriet Elisabeth Beecher Stowe, 1811—1896), автора прославленной «Хижина дяди Тома».²⁷ Переписка с нею завязалась, по-видимому, по инициативе Новиковой, а посредником в их заочном знакомстве был американский генерал Тайлер. Бичер-Стоу как писательница была хорошо известна в России. Еще в 1853 г. в русских журналах появились первые переводы ее рассказов;²⁸ воспоминания ее о путешествии в Европу (*Sunny memories of foreign lands*. Boston, 1854) были напечатаны в «Библиотеке для чтения» в 1857 г.²⁹ «Хижина дяди Тома» (1852) была первоначально русской цензурой «строжайше запрещена», как сообщал А. С. Хомяков С. Т. Аксакову в марте 1853 г.:³⁰ слишком явным было сходство между американским рабовладельчеством и русским крепостничеством. Но роман имел хождение в России в оригинале и особенно во французском и немецком переводах. И. С. Тургенев читал его, по-видимому, по-французски,³¹ Л. Н. Толстой — по-немецки.³² Зато, когда в 1857 г. открылась возможность опубликовать

²⁶ Album de Madame Olga Kozlow. М., 1883. С. 135; оригинал записи на французском языке.

²⁷ ЦГАЛИ, ф. 345, ед. хр. 99. Русский перевод писем: Автографы знаменитых писателей / Публ. Н. Алексеева // Культура и жизнь. 1957. № 5. С. 40—41; перевод отрывков: Орлова Р. Два письма Бичер-Стоу в Россию // Вопросы литературы. 1970. № 6. С. 253.

²⁸ Дядя Тим. Рассказ г-жи Бичер-Стоу // Современник. 1853. Т. 41, № 9. Отд. 6. С. 30—50; Тетушка Мери // Пантеон. 1853. Т. 7, кн. 2. Отд. 5. С. 95—99.

²⁹ Светлые воспоминания о чужих краях. (Мистрисс Гэрриэт Бичер Стоу) // Библиотека для чтения. 1857. Т. 141, № 1. Отд. 1. С. 125—144; № 2. С. 333—360; Т. 143, № 6. С. 1—28 (отд. пагин.); Т. 144, № 8. Отд. 1. С. 299—368; Т. 146, № 12. Отд. 1. С. 1—56.

³⁰ Русский архив. 1879. Кн. 3. № 11. С. 362.

³¹ См. его письмо к П. В. Анненкову от 21 апр./3 мая 1853 г.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1961. Т. 2. С. 144.

³² См. записи в его дневнике 28—31 авг. 1854 г.: Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 47. С. 24. См. ранний отзыв о «Хижине дяди Тома»: Андреевский Э. С. Записки. Одесса, 1913. Т. 1. С. 79—80, 82 (записи от 13 и 16 нояб. 1852 г.). А. И. Герцен писал в английской газете «The Leader» в 1853 г.: «В настоящее время, когда вся Англия, под влиянием великого произведения Бичер-Стоу, выражала глубокое и живое сочувствие невольникам южных штатов Северной Америки, никто, по-видимому, не вспомнил, что ближе к Англии, по ту сторону Балтийского моря, целое народонаселение составляет законную собственность кучки помещиков — и население не в 3 000 000, а в 20 000 000!» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 34). А другой русский изгнанник,

русские переводы, «Хижину дяди Тома» почти одновременно начали печатать «Современник», «Русский вестник» и «Сын отечества».³³ Почти все последующие романы Бичер-Стоу вплоть до середины 70-х гг. выходили в русских переводах или вызывали быстрые отклики в русских журналах.³⁴ В литературных кругах хорошо знали, что Тургенев был знаком с Бичер-Стоу лично и что забавный анекдот об этом своем знакомстве он, в полемических целях, вставил в свой роман «Дым».³⁵

Н. И. Тургенев, по словам его биографа, «имел оживленные сношения с американскими журналистами и проповедниками эмансипации негров, как М-me Шарпан и М-me Бичер-Стоу, автор „Хижины дяди Тома“» (Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 годы. СПб., 1913. Т. 2. С. XIV), и по-прежнему, «одну Россию в мире видя», писал в статье, опубликованной в американском сборнике «Колокол свободы» (The Liberty Bell. Boston, 1853): «...при чтении „Хижины дяди Тома“ я много раз был поражен печалью вследствие полного совпадения рассказов г-жи Стоу с теми ужасами, которые были мне известны не только по устной передаче, но и по подлинным судебным делам, прошедшим через мои руки в Государственном совете, некоторые сцены, изображенные в этой книге, кажутся точными списками со столь же ужасных случаев, происходящих в России. Даже и среди комических изображений этого романа нет ни одного, параллели которому не нашлось бы в русских комедиях. Эта деликатная дама (жена глупого Сен-Клэра), сожалеющая, что слабое здоровье не позволяет ей пороть бычьими жилами своих рабов, напомнила мне другую даму из русской комедии, которая попрекает свою горничную за испытанную ею боль при нанесении господской рукою удара по лицу этой самой горничной» (Летописи Гос. литературного музея. Кн. 3. Декабристы / Ред. Н. П. Чулкова. М., 1938. С. 335—336). «Хижина дяди Тома» часто упоминается и в переписке декабристов, живших на поселении, что подтверждает широкую распространенность романа в России. Книга кочевала от одного ссыльного к другому. «Пришлите, если только возможно, „L'oncle Tom“, — просит Свистунов из Тобольска И. И. Пушина, и тот извещает его из Ялуторовска: «Вы уже должны знать, что „L'oncle Tom“ уехал с Якушкиным в Иркутск» (Там же. С. 274, 302).

³³ См.: *Бушканец И. Н.* Первые переводы «Хижины дяди Тома» на русский язык // Учен. зап. Казанского пед. ин-та. 1969. Вып. 66. С. 49—59. 25 дек. 1857 г. Н. А. Некрасов сообщал И. С. Тургеневу: «...открылась возможность перевести „Дядю Тома“. Я решился еще на чрезвычайный расход — выдаю этот роман даром при 1-м № [«Современника»]. Как скоро было это объявлено, подписка поднялась. Надо заметить что это пришлось очень кстати: вопрос этот у нас теперь в сильном ходу, относительно наших домашних негров» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 375).

³⁴ См.: *Либман В. А.* Американская литература в русских переводах и критике: Библиография. 1776—1975. М., 1977. С. 60—61.

³⁵ И. С. Тургенев писал А. В. Дружинину из Парижа 5/17 дек. 1856 г.: «...я был представлен г-же Бичер-Стоу: добрая, простая — и представьте! застенчивая американка; с ней две дочки рыжие, в красных бурнусах с свирепыми кринолинами — престранные фигуры» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1961. Т. 3. С. 52). И. С. Аксаков в свою очередь сообщал родным 24 апр./6 мая 1857 г., что Тургенев «познакомился <...> с знаменитой Bicher-stuw [sic!], автором de l'oncle Tom, и был поражен ее простотой (в высоком смысле этого слова)» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. С. 327). Герцену Тургенев писал 23 окт./4 нояб. 1860 г.: «По-видимо-

Первое из сохранившихся писем Бичер-Стоу вводит нас в историю ее дружеского, впрочем не очень оживленного, общения с Новиковой и позволяет заключить, что инициатива для установления переписки между ними исходила от последней. Несомненно, что в разговорах с Тайлером Новикова старалась зарекомендовать себя восхищенной почитательницей Бичер-Стоу и, может быть, даже намекнула, что хотела бы получить от нее письмо. Именно с этой целью через Тайлера она послала американской писательнице свою фотографию.

Приводим это письмо:

Hartford Conn. June 26-th 1869

Dear Madame,

I have learned through General Tyler, the kind sentiments which you have been pleased to express toward me; and it gives me pleasure to think that in your far off Russia are those that read our English language, & thus have a bond of sympathy with us.

Your heart, dear Madame, has beat in sympathy with mine, in wishes, for that glorious emancipation of the slaves which our Country has been enabled to consummate. And it is pleasant to think that you can sympathise with us in this victory.

Your friend the General, has been so good as to send me a photograph of yourself, which I am charmed to see, bears the name of Olga. I have just been reading a most interesting book called «Recit d'une Soeur», in which a charming Russian girl, by the name of Olga, is one of the most interesting characters; & I have conceived a special fancy for the name.

I have given an order to my publisher to forward to you a copy of my last work, which, as you are already somewhat interested in America, may possibly prove interesting to you.

I regard a book as a hand stretched forth for sympathy; & I feel that in you it may meet a friendly hand of appreciation, even although the subject is more purely local and American than that of «Uncle Tom's Cabin».

I should be charmed to hear from you, should you ever find leisure, & believe me.

Very sincerely

Your friend

H. B. Stowe³⁶

Перевод:

Хартфорд, Коннектикут, 26 июня 1869

Милостивая государыня,

Я узнала от генерала Тайлера о тех добрых чувствах, которые вы соблаговолили выразить по отношению ко мне, и мне приятно знать, что в вашей далекой России есть люди, читающие по-английски и тем самым связанные с нами узами сочувствия.

му, город Гейдельберг отличается сочинением сплетней: про меня там говорят, что я держу у себя насильно крепостную любовницу и что г-жа Бичер-Стоу (!) меня в этом публично упрекала, а я ее выругал» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 4. С. 147*). В гл. IV романа «Дым» Суханчикова (гр. Салиас) рассказывает про Тентелева (Тургенев): «Он, как всем известно, был ужаснейший тиран со своими людьми, хотя тоже выдавал себя за эманципатора. Вот он раз в Париже сидит у знакомых, и вдруг входит мадам Бичер-Стоу, — ну, Вы знаете, „Хижина дяди Тома“» и т. д. (Там же. Соч. М.; Л., 1965. Т. 9. С. 158).

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1—2 об.

Ваше сердце, милостивая государыня, сочувственно билось вместе с моим, когда мы желали того славного освобождения рабов, которое удалось осуществить нашей стране. И приятно сознавать, что вы вместе с нами можете сочувствовать этой победе.

Ваш друг генерал любезно прислал мне вашу фотографию, и мне особенно приятно видеть, что она носит имя Ольги. Я как раз читала очень интересную книгу под названием «Récit d'une soeur» [«Рассказ сестры»], одним из интереснейших персонажей которой является очаровательная русская девушка по имени Ольга, и я прониклась особенной симпатией к этому имени.

Я отдала распоряжение своему издателю выслать вам экземпляр моего последнего произведения, которое может представить для вас некоторый интерес, поскольку вы уже немного интересуетесь Америкой.

Я считаю, что книга — это рука, протянутая за сочувствием, и мне кажется, что у вас она встретит дружескую руку одобрения, хотя по своей теме она имеет еще более местный американский характер, чем «Хижина дяди Тома».

Я была бы очень рада получить от вас весточку, если только у вас найдется свободное время.

Остаюсь искренне
вашим другом
Г. Б. Стоу

В этом письме говорится об окончившейся в 1865 г. войне между северными и южными штатами, причиной которой, как известно, явилась борьба за уничтожение рабовладения в Америке; поэтому в нем не случайно упоминается и «Хижина дяди Тома». Можно предположить, что О. А. Новикова через генерала Тайлера передала Бичер-Стоу свой восторженный отзыв об этом романе как о книге, сыгравшей свою роль в подготовке победы северных штатов.

Что касается книги «Рассказ сестры», то это, несомненно, французский роман «Рассказ сестры. Семейные воспоминания», вышедший в Париже в двух томах в январе 1866 г. и привлечший к себе внимание европейских читателей, в особенности после того, как он был увенчан Французской Академией. Автором его была французская писательница, подписывавшаяся по имени мужа M-me Augustus Craven, урожденная Полина де ла Ферронне (Pauline de la Ferronnays, 1808—1891), дочь французского дипломата, жившая с отцом несколько лет в России в 1820-х гг. О России идет речь и в этом ее первом крупном произведении, романе, приближающемся к подлинным мемуарам. Это — история семьи и любви на фоне международных аристократических связей: действие его происходит в 1830-е гг. и переносится из Италии в Австрию, Голландию, Бельгию и другие страны. Мелькают русские эпизоды: Николай I, ссылающий на Кавказ опального офицера, петербургский high life, русские аристократы, склонные к католицизму, и т. д.; в роман включены подлинные письма и отрывки из мемуаров. В числе действующих лиц — младшая сестра героини, Александрины Алло-

пеус, Ольга, образ которой автор постарался представить в самом выгодном свете. Эту девушку, полную любви и самоотверженности, Бичер-Стоу и имеет в виду в своем письме к Новиковой. «Рассказ сестры» обратил на себя внимание и в Англии и в Америке; Бичер-Стоу привлекли в нем, вероятно, его «пиетистические» тенденции.³⁷

«Последнее произведение», которое Бичер-Стоу распорядилась переслать Новиковой, несомненно, ее роман «Ольдтаунские старожилы» («Oldtown folks», 1869), вышедший в свет в год написания письма. Роман посвящен патриархальному прошлому Америки, описанному в лирических тонах и с явной тенденцией к идеализации. «Мне показалось, — писала Бичер-Стоу, открывая свой роман, — что мое жизнеописание может вызвать в памяти живой облик весьма своеобразного и занимательного периода существования Новой Англии, следы которого теперь быстро стираются. Я имею в виду дожелезнодорожные времена — те времена, когда наша родная земля была чем-то вроде не то еврейской теократической общины, не то ультрадемократической республики маленьких деревушек, отделенной непреодолимым океаном от всей цивилизации и утонченности Старого света, забытой и незамечаемой и тем не менее горящей, подобно тлеющим углям во мраке, со всею интенсивностью, свойственной сосредоточенной, недавно зародившейся, самостоятельной жизни, развивающейся в особых условиях».³⁸ Эти слова раскрывают то значение, какое американская писательница придавала своему роману, и становится понятной причина, побудившая ее послать книгу Новиковой: она хотела узнать, как будет воспринят роман в «далекой неведомой» России, где она неожиданно для себя обрела «друга». Именно с этого вопроса начинается следующее ее письмо, написанное спустя полгода. Это второе письмо Г. Бичер-Стоу к О. А. Новиковой значительно интереснее по содержанию и заключает в себе ряд любопытных указаний и автобиографических данных. Приводим его текст.

³⁷ Craven, Augustus, *M-me née La Ferronnays*. Récit d'une soeur. Souvenirs de famille. Paris, 1866. 2 vols. Отзывы об этом романе: *Montégut Émile*. Histoire d'un amour chrétien // *Revue des deux mondes*. 1866. Vol. 62. 15 Avril. P. 937—976; *Blackwood's Edinburgh magazine*, 1868. Vol. 104. No. 634. P. 165—186; последняя статья перепечатана в американском журнале: *Living Age*. Boston, 1868. Vol. 98. P. 579. Ср. также: *Catholic world*. New York, 1968. Vol. 7. P. 707; *Smith Thomas F. A.* The life and literary works of Mrs. Augustus Craven, née la Ferronnays. Diss. Nürnberg, 1910. P. 9, 12—16.

³⁸ *Stowe Harriet Beecher*. *Oldtown folks* / Ed. by H. F. May. Cambridge, Mass. 1966. P. 49. В следующем году после опубликования романа появился русский его перевод: *Ольдтоунские старожилы*. (Роман мистрисс Бичер Стоу) // *Заря*. 1870. Кн. 1—3, 5; отд. изд.: СПб., 1871.

Mandarin, Florida,
January. 30, 1870

My dear Friend,

It is pleasant to think of a *friend* in Russia — that far off unknown land which I have regarded with a sort of vague curiosity. May I ask, after you have done me the kindness to send my book «Old Town Folks» to tell me how it strikes you. It is a photograph, a *moral* photograph of a very peculiar state of society that existed about a [hundred] sixty years ago in New England and out of which *all* our present American national character has grown. This [America] New England is the parent grain the mother, so to speak of the whole United States.

I have a curiosity to know whether anything so peculiar to *one* country can make itself understood in another country.

As to the «gloomy Byron» matter I have ordered my publisher to send you two copies. — You will then see that my object was to vindicate the memory of a noble, much abused woman whose whole life was sacrificed to the vices of a bad man. I did it as a sacred duty and what the result may be God only knows. But I am quite sure your woman's heart will appreciate my *motive* and do justice to the virtues of this noble woman.

I sent your message to General Tyler through his sister who is my intimate friend. He is stationed now at some distance from me & I do not often see him. I am writing to you from my little cottage which stands in a grove of orange trees on the banks of the St John's river. Our winter here resembles much the month of May in the temperate Zones. Everything growing & green — no need of fires except morning & evening just to dissipate the chill. — Around the house the trees are hanging bending under the weight of oranges yet the buds for the blossoms of next year, are beginning to appear. — It is the first time I have been down here in the winter months and I scarcely know where I am. The weather is for the most part charming. We live on the banks of the St John's river which is here about four or five miles wide. — About eighteen miles back of us rolls the Atlantic Ocean. — [All] We have sea breezes thence to refresh the air as soon as the weather grows hot.

Accept my affectionate thoughts wafted from thence. Ever truly yours

H. B. Stowe

На конверте:

Son Excellence

Madame Olga de Novikoff

née de Kiréef

18 Mokovaja St. Petersburg
Russia.³⁹

Рукою О. А. Новиковой: «Получено 11 февраля 1870 г., вечер».

Перевод:

Мандарин, Флорида, 30 января 1870 г.

Мой дорогой друг,

Как приятно думать о друге в России — этой далекой неведомой стране, о которой я раздумываю с каким-то смутным любопытством. Разрешите просить вас, после того как вы любезно разрешили мне послать мою книгу «Ольдаунские старожилы», сказать мне, как она вам понравилась. Это фотография, *привственная* фотография весьма своеобразного состояния общества, существовавшего лет около [ста] шестидесяти тому назад в Новой Англии и из которого вырос *весь* наш нынешний американский национальный характер. Эта [Америка] Новая Англия — исходное зерно, мать, так сказать, всех Соединенных Штатов.

³⁹ ЦГАЛИ, ф. 345, оп. 1, ед. хр. 99, л. 3—4 об.

Мне любопытно узнать, могут ли предметы, столь существенные для одной страны, быть поняты в другой стране.

Что же касается этого «мрачного Байрона», то я отдала моему издателю распоряжение послать вам два экземпляра. Вы тогда увидите, что целью моей было защитить память благородной, глубоко оскорбленной женщины, вся жизнь которой была принесена в жертву порокам дурного мужчины. Я выполнила это, как священный долг, а что из этого получится, один Бог знает. Но я убеждена, что ваше женское сердце оценит мои *побуждения* и воздаст должное добродетелям этой благородной женщины.

Я передала ваше послание генералу Тайлеру через его сестру, которая моя близкая подруга. Он размещается теперь на некотором расстоянии от меня, и я не часто вижу его. Я пишу вам из своего маленького коттеджа, стоящего в апельсиновой роще, на берегах реки Сент-Джон. Наша зима здесь весьма напоминает месяц май в умеренном поясе. Все растет и зеленеет — топить не нужно, кроме как утром и вечером, чтобы только разогнать холод. Вокруг дома склоняются деревья, гнущиеся под тяжестью апельсинов, и уже начинают появляться почки цветов будущего года. Я здесь впервые в зимние месяцы и просто не знаю, где я. Погода по большей части очаровательна. Мы живем на берегах реки Сент-Джон, которая здесь около четырех-пяти миль в ширину. Примерно в 18 милях за нами катит волны Атлантический океан. [Все] Оттуда дуют морские бризы, освежающие воздух, как только погода становится жаркой.

Примите мои теплые чувства, веющие из этих мест.

Всегда искренне ваша

Г. Б. Стоу

На конверте: Ее превосходительству
Госпоже Ольге Новиковой
урожденной Киреевой
Моховая 18, С.-Петербург,
Россия.

Бичер-Стоу жила в то время в своем небольшом поместье, расположенном во Флориде, юго-восточном штате США, на самом берегу впадающей в океан реки Сент-Джон. Приведенное письмо заключает в себе небольшую характеристику этого «райского уголка», столько раз описанного в произведениях Бичер-Стоу.

Однако наиболее любопытна та часть письма, в которой говорится о Байроне; эти свидетельства нуждаются в особых пояснениях. Еще в 1853 г., во время поездки своей в Англию, Бичер-Стоу познакомилась с леди Байрон, вдовой поэта. В 1869 г., опираясь на ее сообщения (к тому времени леди Байрон уже умерла), Бичер-Стоу напечатала статью «Правдивая история жизни леди Байрон» («The true story of Lady Byron's life»), за которой в следующем году последовала небольшая книга: «Реабилитация леди Байрон». Книга эта явилась своего рода литературным скандалом и послужила причиной ожесточенной полемики в английской печати, продолжавшейся несколько лет.⁴⁰ В то

⁴⁰ *Stowe Harriet Beecher. Lady Byron vindicated; a history of the Byron controversy, from its beginning in 1816 to the present time. Boston, 1870.* Разгоревшаяся полемика достигла

время, когда Бичер-Стоу обменивалась письмами с Новиковой, полемика эта была в полном разгаре; отсюда решительная убежденность тона американской писательницы в ее письме, похожая на стремление завербовать новую сторонницу. Это — ясные отзвуки горячих и еще не закончившихся прений по поводу весьма щекотливого семейного вопроса. Основываясь на показаниях леди Байрон, Бичер-Стоу искала разгадку их семейной драмы в отношениях поэта к его сводной сестре Августе Ли. Известная сцена в байроновском «Манфреде» между Манфредом и Астартой, по разъяснениям Бичер-Стоу, была замаскированным автопризнанием поэта, избличающим эту его кровосмесительную связь.

Бичер-Стоу рассказывала, что леди Байрон, ожидавшая близкой смерти, в 1856 г. пригласила ее к себе, чтобы сделать ей конфиденциальное сообщение. Затем в торжественный час доверила ей свою «тайну», подтвердив устное сообщение письменными заметками, которые затем забрала. Делая эти признания, леди Байрон стремилась узнать мнение Бичер-Стоу как лица, стоящего вне английского общества и, следовательно, вполне беспристрастного, о том, не следует ли сделать эту тайну всеобщим достоянием и тем самым уничтожить развращающее влияние байроновских сочинений, в особенности на молодежь. Бичер-Стоу добавляла, что она посоветовала леди Байрон избрать какое-нибудь иное доверенное лицо, изложить ему события с большей обстоятельностью и поручить хранение всех подтверждающих их документов.

Сделанные Бичер-Стоу разоблачения семейной тайны имели целью, в конечном счете, оправдать жену Байрона. Писательница утверждала,

такой напряженности, что через год был издан специальный свод материалов, опубликованных в периодической печати: *The Stowe-Byron controversy: a complete résumé of all that has been written and said upon the subject*, reprinted from «The Times», «Saturday Review», «Daily News», «Pall Mall Gazette», «Daily Telegraph», etc. Together with an impartial review of the merits of the case. By the editor of «Once a week». London, <1871>; см. также: *Wise James Thomas. A bibliography of the writings in verse and prose of G. G. N., Baron Byron*. Folkstone; London, 1972. Vol. 2. P. 103—108; *Santucho Oscar José. George Gordon, Lord Byron; A comprehensive bibliography of secondary materials in English, 1807—1974. With a critical review of research by Clement Tyson Goode, Jr. Metuchen, 1977. P. 30—32*. Что касается русских читателей, то о знакомстве Бичер-Стоу с леди Байрон они уже могли узнать из воспоминаний американской писательницы о ее поездке в Европу, где есть, между прочим, следующие строки: «Лицо, фигура и самый костюм леди ясно говорят о ее чистом, исполненном достоинстве и твердом характере. Она пользуется таким уважением в народе, что поселяне, которым известны несчастья ее супружеской жизни, снимают шляпы при встрече с нею. Я не могла не заметить очевидной слабости здоровья леди Байрон <...> Но для чего жалеть об этом? Для чего стремиться удержать здесь тех, кто не от мира сего...» и т. д. (Библиотека для чтения. 1857. Т. 144, № 8. Отд. 1. С. 321).

что одним из поводов, заставивших ее выступить в печати, были будто бы опубликованные незадолго перед тем воспоминания о Байроне Терезы Гвичьоли (1868), которые Бичер-Стоу характеризовала как памфлет «метрессы, направленный против законной жены», хотя книга Гвичьоли, как известно, не выходит из рамок того, что давно уже говорилось о леди Байрон и ее супружеской жизни. Естественно, что и характер разоблачений в книге Бичер-Стоу и ее доводы, догадки и размышления подверглись разносторонней, но преимущественно враждебной критике. Английские журналы 1869—1870 гг. напечатали заявления ряда весьма авторитетных в этом вопросе лиц и большею частью приходили к заключению, что либо леди Байрон под конец жизни сообщила Бичер-Стоу явную ложь, либо американская писательница сама сочинила эту «клевету» и, оправдывая одну сторону, возводила напрасное обвинение на другую. Многолетние поверенные в делах леди Байрон, адвокаты Уортон и Фордс, объявили в «Таймс» рассказ Бичер-Стоу выдумкой и прибавляли, что, согласно последней воле леди Байрон, все ее рукописи и письма переданы были трем доверенным лицам и помещены ими на хранение в банковском сейфе; внук леди Байрон, лорд Вентворт, со своей стороны также отрицал какое бы то ни было значение сообщений Бичер-Стоу. Вплоть до XX в. тайна разрыва поэта с женой оставалась неразгаданной и продолжала обсуждаться, пока опубликованные секретные семейные бумаги не сделались достоянием широкого круга читателей и не подтвердили, что, по крайней мере по основному вопросу, Бичер-Стоу была права.

О. А. Новикову разоблачения Бичер-Стоу и ее раскрытие «тайны» Байрона, несомненно, заинтересовали. И сам Байрон и люди его поры были для нее, конечно, далеким историческим прошлым, которое она, вероятно, воспринимала сквозь призму русского байронизма, освященного именами Пушкина и Лермонтова, но к которому она могла относиться в начале 70-х гг. вполне беспристрастно. Мы не знаем, какую позицию заняла она в споре о книге Бичер-Стоу и на чьей была стороне — защитников ли леди Байрон или ее супруга, но, несомненно, что она следила за этой полемикой по европейским журналам и знала о существовании вопроса гораздо больше, чем русская критика, уделившая, впрочем, весьма малое внимание этому спору. К разоблачениям же американской писательницы русская печать сразу же отнеслась резко отрицательно, и эта традиция устойчиво держалась у нас долгое время.⁴¹

⁴¹ Отрицательную позицию по отношению к точке зрения Бичер-Стоу занял, например, Орест Миллер, посвятивший этой полемике несколько страниц в своей статье «Лорд Байрон и его судьба» (Вестник Европы. 1878. Кн. 4. С. 659—665). Другой русский критик (возможно, С. А. Андреевский) в большой статье по поводу биографии Байрона,

В 1870—1880-х гг. немногие ждали у нас дополнительных разъяснений о «тайне Байрона» или публикации семейных документов, которые пролили бы на нее новый свет,⁴² поскольку и самая эта «тайна» большинству русских критиков, писавших о Байроне в эти годы, представлялась несуществующей или выдуманной. А между тем есть основания полагать, что О. А. Новикова лучше других была посвящена в обстоятельства всего этого дела, причем первым толчком послужила ей, вероятно, именно книга Бичер-Стоу. Весьма интригующее, но столь же загадочное указание по этому поводу делает П. И. Бартенев. В 1875 г. он напечатал ту часть «Воспоминаний» гр. А. Л. Блудовой, в которой она, между прочим, рассказывает о Байроне на основании впечатлений детских лет, проведенных ею в Англии. Касаясь взаимоотношений Байрона с английским обществом, Блудова писала: «Не столько своенравие и распущенность, сколько несчастное стечение обстоятельств разрушили его семейную жизнь и вместе с жестокостью английского модного света сделали его изгнанником из отечества». К этим словам Бартенев сделал следующее примечание: «Так называемая тайна Байрона, т. е. настоящая причина его семейного разлада, хранится у нас: ее передал, в запечатанном пакете, соотечественнице нашей О. А. Новиковой (урожденной Киреевой) известный английский писатель Кинглек, сообщив словесно имя того (ныне престарелого) лица, по кончине которого можно будет вскрыть пакет. (Сообщено О. А. Новиковою)».⁴³

Многое неясно в этом свидетельстве. Как, например, нужно понимать слова о том, что этот загадочный пакет «хранится у нас»: у О. А. Новиковой или в редакции «Русского архива»? В доступных нам частях архива О. А. Новиковой такого пакета не оказалось, но, в

написанной Дж. Николем (1880), замечал после разбора некоторых утверждений Бичер-Стоу: «Остается ожидать появления в печати фамильных бумаг для заключительного слова по этому частному делу, сделавшемуся, к сожалению, общественным достоянием» (*А. С. Новая биография Байрона // Вестник Европы. 1881. Кн. 2. С. 583*). Позднее Алексей Веселовский в своей биографии Байрона резко отзывался о «позорно-неудачных клеветнических „разоблачениях“ Бичер-Стоу» и о тех последующих биографах поэта, которые примыкали к ее точке зрения; их утверждения он называл «последней судорогой застарелой и психопатической злобы» (*Веселовский Алексей. Байрон. Биографический очерк. 2-е изд. М., 1914. С. 121—122*).

⁴² В «Заграничном вестнике» (1882. Т. 4. Июль. <Отд. 2>. С. 53) была помещена следующая заметка: «В лондонском „Athenaeum“ вскоре должны появиться неизданные письма и бумаги о Байроне и его семействе. В числе их находятся, между прочим, последнее письмо Байрона к его жене, писанное перед самым его отъездом из Англии, несколько бумаг, относящихся до истребления записок Байрона, и семейная переписка, вполне опровергающая известные скандальные разоблачения г-жи Бичер-Стоу о частной жизни поэта. В свое время, в 1869 году, эти разоблачения вызвали оживленную полемику между органами английской и американской печати».

⁴³ Русский архив. 1875. Кн. 1. № 2. С. 182.

сущности, «тайна», о которой здесь идет речь, уже давно раскрыта. Основные семейные документы, которые объяснили почти все в истории разрыва Байрона с женой, конечно, хранились не в России. Они принадлежали, в основном, внуку поэта Ральфу Мильбенку графу Лавлесу (Ralph Milbanke, Earl of Lovelace, сын Augusta Ada Byron и William, Earl of Lovelace), который частично привел их в 1905 г. в своей книге «Астарт. Отрывок правды о Байроне», и они вполне подтвердили многие из заявлений Бичер-Стоу.⁴⁴ Надо думать, что подтверждения такого же рода, но, конечно, без относящихся сюда документов, находились и в том загадочном пакете, который передан О. А. Новиковой ее английским другом Кинглеком.

Письма Бичер-Стоу — не единственное свидетельство личных и заочных знакомств Новиковой с европейскими знаменитостями этого времени. В архиве Новиковой сохранилась, например, относящаяся, по-видимому, к одному из ее приездов в Лондон пригласительная записка Генри Джорджа Льюиса (Lewes, 1817—1878), философа-позитивиста, автора трудов: «Жизнь Гете» и «Физиология общественной жизни», мужа писательницы Джордж Элиот.

The Priory,
21, North Bank.
Regents Park.
Nov. 15. 75

Dear Madame Novicoff,

Many thanks,

We are at home now on Sundays from 1/2 past 2 to 1/2 past 5 & shall be happy to see you.

Yours very truly
H. G. Lewes

На конверте: Madame Novicoff,
Symond's Hotel.
Brook Street, W. ⁴⁵

⁴⁴ См.: *Astarte: a fragment of truth concerning George Gordon Byron... recorded by his grandson, Ralph Milbanke, Earl of Lovelace*. New ed., with many additional letters / Ed. by Mary Countess of Lovelace. London, 1921. Об авторе этой книги см.: *Lovelace Mary Caroline*. Ralph Earl of Lovelace: A memoir. London, <1920>. В этих кратких воспоминаниях о своем покойном муже леди Лавлес разъясняет многие небезынтересные обстоятельства истории написания «Астарты»; по ее словам, Ральф Мильбенк был «гамлетовской натурой», всю жизнь терзался противоречивыми стремлениями: с одной стороны, поведать известную ему «правду» о частной жизни Байрона, а с другой — оставить незапятнанной репутацию своего деда и честь рода. Однако книга его, обильно документированная, не оставляет никаких сомнений в том, что подозрения Бичер-Стоу относительно отношений Байрона к Августе Ли были справедливы (ср. анализ заключающихся в ней свидетельств в рецензии Б. Фера: *Fehr B. // Englische Studien*. 1922. Bd 56. H. 3. S. 434—441; см. также: *Santiucho O. J. George Gordon, Lord Byron*. P. 45—48).

⁴⁵ ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 70. Стэд замечает, что Новикова «была знакома с Дж. Элиот, но не близко» (*Stead*. Vol. 2. P. 435).

Перевод:

15 ноября 1875

Многоуважаемая госпожа Новикова,
Большое спасибо.

Мы теперь бываем дома по воскресеньям между половиной третьего
и половиной шестого и будем рады вас видеть.

Уважающий Вас
Г. Дж. Льюис

На конверте: Госпоже Новиковой,
Гостиница Саймонда.
Брук Стрит, Запад.

С какой целью Новикова посетила английскую писательницу, о чем вела беседу с нею и с ее мужем? Какие нашлись у них общие интересы? Не может быть, кажется, сомнений в том, что и на этот раз поводы, заставившие О. А. Новикову обратиться к Джордж Элиот и оказать ей какую-то услугу, не слишком отличались от тех, которые вызвали ее обращение к Бичер-Стоу. Это было все то же непреодолимое влечение к светилам европейской мысли и искусства, которое Ольга Алексеевна испытывала с ранних лет. До тех пор поиски интересных и чем-либо примечательных людей были для Новиковой одним из путей расширения своего кругозора, обогащения интеллектуальной жизни; жизнь в Вене, Париже, Мариенбаде и Лондоне, изредка наезды в Москву представляли ей много случаев для того, чтобы поддерживать обширнейшие связи и вести разнообразнейшую корреспонденцию по крайней мере на трех языках. В середине 1870-х гг. вся ее жизнь получила особую направленность, сосредоточила ее интересы, способствовала сближению с группой людей, в которых она хотела видеть теперь не только интересных случайных собеседников, но и соратников в борьбе за общее дело.

2

В 1870-е гг. Новикова особенно часто и подолгу жила в Лондоне, неутомимо и деятельно работая здесь ради англо-русского сближения, сделавшегося, в конце концов, главным делом ее жизни. Англофильские традиции ее семьи не менее живо сказались в этой ее деятельности, чем семейные же славянофильские симпатии и влияния. Как известно, славянофилы нередко опирались в своих построениях на пример Англии. Если для «западников» Англия была страной развитого парламентаризма и гражданских свобод, то славянофилы пропагандировали английский национализм и историзм, подчеркивая значение предания и традиций в английском быту и культуре, «религиозное» отношение к действительности. В этом смысле в единый логический ряд становятся

у нас восторженные отзывы об Англии братьев Киреевских, знаменитое «Письмо об Англии» А. С. Хомякова, напечатанное в «Москвитянин» 1848 г. и вызвавшее у нас и одобрение и продолжительные споры,⁴⁶ передовицы К. С. Аксакова в «Молве», печатавшиеся вскоре после окончания Крымской войны, но с тем большей страстностью настаивавшие на необходимости идейного сближения между Россией и Англией.

Когда в 1848 г., возвратившись из своей поездки в Лондон, Хомяков появился в Москве с восторженными рассказами об английской жизни, он, по словам Н. А. Мельгунова, всюду утверждал: «В мире только два города, из которых одна — деревня, это Лондон и Москва — Архимедов рычаг, который должен поворотить мир, Лондон — точка, на которую он должен опереться».⁴⁷ Сам Хомяков писал в одном из своих писем: «Я, право, горд Москвою и, странно сказать, я чувствую в ней какое-то родство с Лондоном и Англиею, несмотря на то, что нет между ними никакого видимого свойства».⁴⁸ «Англия есть лучший плод западной гражданственности», — писал десятилетие спустя К. С. Аксаков в передовице «Молвы». «Англия недаром представляет такое величавое явление <...> ...с одной стороны, нравственное начало: семейное, общественное, религиозное; с другой стороны, уважения к старине и к преданию — вот источник спокойной свободы Англии. Англия недавно вела с нами войну. Война прекратилась; тем не меньше отношения Англии к России едва ли могут быть названы искренно дружественными. Но ничто не помешает нам отдать ей справедливость. Ужели нет в Англии недостатков? Есть, — и недостатки важные. Но нам полезно сперва узнать, что в ней есть полезного и доброго».⁴⁹ И впоследствии славянофилы не раз доказывали необходимость интеллектуального сближения русского и английского обществ, утверждая, что если сближение по хозяйственному расчету может одинаково явиться как почвой для дружбы, так и поводом для раздоров, то прочное духовное сближение предполагает не только сходство, но и различие, которым определяется возможность взаимного восполнения.

⁴⁶ См.: Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1 С. 105—139. Цензурную историю «Письма об Англии» в связи с хлопотами М. П. Погодина и С. П. Шевырева о его напечатании и отклик на него Погодина см. в кн.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1895. Кн. 9. С. 479—490.

⁴⁷ Там же. С. 61.

⁴⁸ Русский архив. 1879. Кн. 3. № 11. С. 359 (письмо к Е. И. Попову от 21 февр. 1848 г.). Ср. также статью В. А. Жуковского «Русская и английская политика» (1850): Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 11 С. 38—46.

⁴⁹ Молва. 1857. 7 сент. № 22. С. 252.

Значение английского влияния в русском славянофильстве — тема мало изученная; между тем она объясняет весьма многое в деятельности О. А. Новиковой, являвшейся в разных отношениях идейной наследницей Хомякова и Аксаковых, с которыми она была дружна с ранней юности. Она хорошо знала и их писания, и их устные отзывы о различных сторонах английской культуры, и историю их сношений с представителями англиканской церкви, уже в 40-х гг. обнаружившими такое тяготение к православию, что опять встал старый вопрос о соединении англиканской и русской церквей.⁵⁰ Последний вопрос был некоторое время в центре внимания самой О. А. Новиковой, подобно своему брату чувствовавшей первоначально особое тяготение к занятиям богословскими вопросами. Но ей навсегда остались близки и другие идейные проблемы славянофильской доктрины — интерес к «славянскому делу» и национальной государственности, вопросы «европейско-азиатской» культуры и, в особенности, политического сближения России и Англии. Конечно, все эти большей частью старые для славянофилов проблемы в новой исторической обстановке звучали иначе, кое в чем острее, кое в чем слабее и приглушеннее, но все они, в той или иной связи, возникли перед ней в период ее лондонской жизни и отразились в ее заграничной литературной деятельности.

Следует отметить, что время, на которое приходится начало выступлений О. А. Новиковой на английском дипломатическом и журнальном поприще, было более чем неблагоприятным для той задачи, которую она поставила перед собой. Вторая половина 70-х гг. — один из наиболее напряженных моментов англо-русских политических отношений, то и дело грозивших разразиться военным столкновением между обеими державами. Борьба взаимных интересов Англии и России в Азии непрерывно обостряла эти отношения. Участие русского пра-

⁵⁰ Имейем в виду выступления английских теологов В. Пальмера, Биркбека и др. Знакомство Пальмера с А. С. Хомяковым состоялось еще до путешествия Хомякова в Англию — в 1841 г. (см.: Первый приезд Вильяма Пальмера в Россию. 1840—1841. Из его записок // Русский архив. 1894. Кн. 3, № 9. С. 78—98). Поводом к их дальнейшей переписке послужила книга В. Пальмера «Short poems and hymns, the latter mostly translations» (Oxford, 1845). На обложке книги было и русское гласило: «Стихотворения диакона В. В. Пальмера»; английское посвящение гласило: «Эти стихотворения и гимны посвящаются А. С. Хомякову и всем прочим знакомым автора в России, которые сведущи в английском языке, в знак постоянной памяти и уважения». В книге есть и перевод стихотворения Хомякова «К детям» («To my children». P. 7). О том, какое впечатление произвела эта книга в России, см.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 8. С. 79. В 1870-е гг. Пальмер выпустил обширный труд о патриархе Никоне (*Palmer William. The patriarch and the tsar...* London, 1871—1876. 6 vols); см. о нем также: Русский архив. 1894. Кн. 2, № 5. С. 17—24; Кн. 3, № 11. С. 433—444; Anglo-Russian literary society. Proceedings. 1897. No. 17. P. 48—61.

вительства и русского общества в балканских делах, помощь, оказанная балканским славянам в их освободительной борьбе с Турцией, наконец, русско-турецкая война были теми событиями, которые привели к открытым конфликтам между Англией и Россией. В английской прессе все сильнее стали звучать русофобские ноты, в парламенте шла ожесточенная борьба по вопросам внешней политики.⁵¹

Когда О. А. Новикова в середине 70-х гг. приехала из Германии в Лондон, она вращалась здесь первоначально главным образом в кругу лиц, интересовавшихся в особенности церковными вопросами. Для Англии это была пора глубоких религиозных исканий, ознаменовавшихся борьбою церковных течений «высокой» и «широкой» церкви, пора сектантских увлечений; на этой почве могли возникнуть такие типичные явления английской культуры того времени, как библейско-экзегетические и догматические трактаты Мэтью Арнольда, столь ценимые Л. Н. Толстым, такие замечательные романы, как автобиографический «Путь всякой плоти» Сэмюэля Батлера, взрывающий на материалистической основе все основы британской религиозности.

Пребывание Новиковой сначала в Германии, а затем в Лондоне совпало с охватившим весь католический мир возбуждением, вызванным введением в католический обиход догмата о папской непогрешимости. В то время как ее брат, А. А. Киреев, печатал сначала по-немецки и по-французски свои гневные статьи против этого догмата, впоследствии переизданные ею,⁵² сама она также занялась теологией и выпустила в Англии анонимно специальный труд по вопросу о том, в Ветхом или Новом Завете зародилась идея загробной жизни. Брошюра называлась «Христос или Моисей? Кто?» («Christ or Moses? Which?») London, 1873) и через два десятилетия, в 1895 г., была переиздана Новиковой; первое издание было разослано ею виднейшим богословам того времени — А. Ревиллю, Г. Трейчке, И. К. Блюнчли, Я. Фрошаммеру, с которыми она встречалась еще в Мариенбаде.

К этому времени относится сближение О. А. Новиковой с Владимиром Соловьевым, работавшим тогда в Британском музее; он сделался частым посетителем ее лондонской гостиной. М. М. Ковалевский в своих воспоминаниях о лондонском периоде жизни Вл. Соловьева рассказывает, что у Новиковой «собирались некоторые члены англиканского духовенства, озабоченные мыслью о сближении православной и

⁵¹ См.: *Резтов Г. Н.* Англо-русские противоречия и английская политика в Средней Азии в период русско-турецкой войны 1877—78 гг. // Учен. зап. Псковского гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова. Псков, 1958. Вып. 6. С. 303—320; *Wirthwein W. G.* Britain and the Balkan crisis, 1875—1878. New York, 1935.

⁵² См. выше, примеч. 8.

англиканской церкви. Неизменно в определенный час устраивался около камина и старик Кинглек, автор известного сочинения о Крымской войне. Ольга Алексеевна в то время была еще женщиной с привлекательной наружностью. Отличное знакомство с английским языком и большие связи (ее муж был братом русского посла в Константинополе), наконец, самый тот факт, что она занимала квартиру в Вестэнде, Бон Стрит, — не только аристократическом квартале, но и на улице, соседней с клубом и редакциями многих газет, — были причиной того, что между пятью и шестью часами у нее можно было застать немало интересных англичан. <...> В то время, когда этот салон посещаем был довольно часто Владимиром Соловьевым, политическая роль Ольги Алексеевны была еще в зародыше. Соловьева, видимо, привлекали беседы и знакомства с членами англиканской иерархии».⁵³

Вскоре, однако, этот салон сделался и политическим центром. С осени 1876 г. вокруг Новиковой постепенно собралась группа лиц, сочувствовавших славянской освободительной борьбе. Первоначально эта группа была не слишком велика, однако в ее состав входили, например, влиятельный оксфордский историк Эдуард Фримен, автор «Истории нормандского завоевания Англии» и до балканских событий бывший страстным и неизменным русофилом,⁵⁴ Томас Карлейль, интерес и симпатии которого к России носили очень устойчивый характер; его друг и будущий биограф Фруд и др.

Особенно важным было то обстоятельство, что защитником балканских славян и непримиримым «обличителем» турок явился Гладстон, непонятную дружбу с которым Новикова сама причисляла к важнейшим эпизодам своей политической биографии. Новикова явилась одной из главных вдохновительниц славянских симпатий Гладстона, а вместе с тем и его оппозиции восточной политике кабинета Биконс-

⁵³ Цит. по: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Пг., 1921. Кн. 3, вып. 1. С. 139—141; здесь же (с. 93) напечатано письмо Вл. Соловьева к О. А. Новиковой от 1/13 июля 1875 г.

⁵⁴ В 1877 г. Э. Фримен, откликаясь на политические события этого времени, выпустил специальную книгу об «оттоманском владычестве в Европе», в предисловии к которой, в полном согласии со взглядами О. А. Новиковой, писал, что «освобождение покоренных народов должно было бы стать, если только это возможно, делом всей Европы. В противном случае оно должно быть общим делом России и Англии. Если же Англия устраняется и предоставляет выполнять это дело одной России, вина в том Англии, а не России. Если цели у России благие, то мы потеряем славу, отказавшись участвовать в их достижении, а если у нее дурные цели, мы оказываемся не в состоянии принять надлежащие меры, чтобы воспрепятствовать их исполнению» (*Freeman Edward A. The Ottoman Power in Europe; its nature, its growth and its decline. London, 1877. P. XII.*)

фильда.⁵⁵ Знакомство с Гладстоном и поддержка, которую он ей неизменно оказывал на протяжении многих лет, значительно расширили ее связи в лагере оппозиции и позволили ей опереться на видных деятелей этого круга. Светская молва пустила даже сплетню о том, что Гладстон не остался равнодушен к этой «русской Лорелее», как он шутя называл Новикову, и что он был пленен и обаятельностью этой светской женщины и ее литературным талантом.⁵⁶ Теперь Новиковой особенно пригодились ее широкие связи с английским политическим миром, приобретенные первоначально благодаря барону Ф. И. Бруннову, русскому послу в Лондоне и старинному другу ее семьи,⁵⁷ но сильно расширенные ею и самостоятельно. С тех пор как всеобщее внимание Европы привлекли к себе события на Балканах и газеты запестрели известиями о «турецких зверствах» и «болгарских ужасах», Новикова оставила свои прежние теологические увлечения и всецело отдалась делу укрепления симпатий среди англичан к южным славянам и разъяснению той роли, которую в их исторических судьбах должна была сыграть самая могущественная славянская страна — Россия.

⁵⁵ *Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern question. A study in diplomacy and party politics. London, 1935. P. 115—118, 261, 313.*

⁵⁶ Жюльетт Адан (Adam, 1836—1936, урожд. Ламбер) — французская публицистка русофильского лагеря и писательница, хозяйка известного политического салона в Париже в 1880—1890-х гг., откликнулась на эти слухи в своей книге о лондонском великосветском обществе (написанной под «русским» псевдонимом *Comte Paul Vasili* и как бы от имени этого русского графа). Предварительно упомянув о «любвеобильности» Гладстона и его страсти к *billets doux*, Адан писала: «Как друг г-жи Н... [Новиковой], я имею некоторое право защитить ее и объявляю крайне ложными (*archifaux*) все подозрения, которые распространялись на ее счет. Я не решился бы утверждать, что женщине, настолько умной, как О. Н., не польстили бы те чувства, которые она внушает г. Гладстону; я отрицаю, однако, что она на это ответила каким-либо подобием кокетства. Говорят, что у нее долгая и очень восторженная переписка с премьер-министром, что делает большую честь чувствительности г. Гладстона; я об этом ничего не знаю, так как никогда не спрашивал г-жу Н... по этому поводу. Но то, что я признаю охотно и за что я очень признателен своей соотечественнице, — это то, что в течение многих лет она поддерживала своим влиянием, своими писаниями, своими беседами хорошие отношения между Англией и Россией» (*Comte Paul Vasili. La société de Londres. 6-me éd. Paris, 1885. P. 114—115*).

⁵⁷ *Белов А. Зарубежная публицистика. С. 549—550.* Опираясь на книгу Стэда о Новиковой, автор относит первые знакомства ее со светилами лондонского политического мира, завязанные через посредство барона Бруннова, к 1868 г. «Вскоре по прибытии Новиковых в Лондон барон Бруннов дал в русском посольстве блестящий бал в честь принца Уэльского <...> Тут был весь высший свет и между прочим два давнишних политических противника: Дизраели, пожалованный титулом лорда Биконсфильда, и Гладстон. Хозяин познакомил г-жу Новикову с тем и другим. Дизраели ей не понравился, а с Гладстоном быстро завязалась оживленная беседа...».

В 1876 г. Новикова перевела на английский язык и издала в Лондоне обращение Ивана Аксакова к Славянскому комитету в Москве,⁵⁸ а затем всячески старалась настроить в пользу России английское общественное мнение.

О. А. Новикова любила рассказывать, — и этот рассказ в различных редакциях попал в печать уже в 80-х гг., — что гибель ее нежно любимого брата, Николая Киреева, возглавлявшего небольшой отряд сербских стрелков в войне за независимость Сербии и убитого под Зайчаром,⁵⁹ заставила ее взяться за перо; она решила иным путем служить тому же «славянскому делу», за которое Николай Киреев сложил свою голову. Горько оплаканная ею смерть брата на войне, предпринятой ради другого народа, в войсках, куда этот сын московского славянофила вступил добровольцем, привлекла к себе большое внимание ее английских друзей. «Гладстон, Карлейль, Фруд, Тиндаль, Чарльз П. Вильерс <...> и многие другие, — вспоминала О. А. Новикова, — щедро расточали мне свидетельства своей симпатии, которые смягчили мое горе. Доброта по отношению ко мне Кинглека была исключительной».⁶⁰

История дружбы Новиковой с последним из названных лиц заслуживает особого упоминания. Александр Вильям Кинглек (Kinglake, 1808—1891), политический деятель и писатель, был в это время изве-

⁵⁸ См.: *Stead*. Vol. 1. P. 244—245; *Wallace D. M. Russia*. London, 1877. Vol. 2. P. 452.

⁵⁹ Биографические справки о Николае Алексеевиче Кирееве (1841—1876) см.: Остафьевский архив... Т. 3 (примеч.). С. 678—679; Архив Раевских / Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Пг., 1915. Т. 5. С. 586. Питомец пажежского корпуса, окончивший его в 1860 г., он вышел в отставку и занялся изучением славянского вопроса, сделавшись одним из активных деятелей петербургского «Славянского благотворительного общества». В самом начале сербо-турецкой войны Киреев отправился добровольцем в Сербию, собрал дружину и стал во главе ее под именем полковника Хаджи-Гирея. Он был убит при штурме турецких укреплений 6 июля 1876 г.; тело его осталось неразысканным. П. И. Бартнев писал о Кирееве: «...выросши в богатой и блистательной обстановке, он не давал ей цены, и его всегда тянуло куда-то, на какое-то высшее служение. Его сердоболию и любви к людям не было пределов. Отдать все деньги, какие имелись, бедному было для него самым обыкновенным делом. Подвиг свой он скрыл от самых близких людей и уехал в Сербию в качестве деятеля Красного Креста. Вскоре по всему миру разнеслись рассказы о необыкновенной отваге Хаджи-Гирея <...> В сражениях, для одушевления сподвижников, он нарочно одевался в белое. Что-то светлое и благородное было в этом человеке» (Русский архив. 1879. Кн. 2, № 7. С. 341). См. также: *Salisbury Philip*. Two months with Tcherniaieff in Servia. London, 1877. P. 194. Существует также чешская биография Н. И. Киреева: *Valečka Eduard G. Nikolaj Alexějevič Kirjejev. Životopisný nástin*. Praha, 1877 (оттиск из «Osvěty»). 1877. Č. 1).

⁶⁰ *Novicoff Olga de*. En Angleterre. Souvenirs // *La nouvelle revue*. 1897. Т. 49. 1 mars. P. 38.

тен как автор увлекательной книги о путешествии на Восток,⁶¹ но в особенности своей большой и тщательно составленной с использованием печатных и архивных источников историей Крымской войны, начатой на основе собственных впечатлений: в 1854 г. Кинглек был с английской армией в Крыму и присутствовал при сражении на Альме.⁶² Сокращенный перевод первого тома этого сочинения был вскоре по выходе его в свет сделан находившимся в Петропавловской крепости Н. Г. Чернышевским, но не мог тогда быть издан.⁶³

Как политический деятель Кинглек известен был в 60-х гг. в качестве активного либерального члена палаты общин, занимавшего враждебную позицию по отношению к агрессивной иностранной политике Пальмерстона.

В своих «Воспоминаниях о Кинглеке», рассказывая о выражениях сочувствия по поводу смерти ее брата, О. А. Новикова упоминает о той особенной услуге, которую оказал ей Кинглек: «Кинглек пришел однажды очень рано, часов около 10 утра <...> и сказал мне, что он много думал о моем брате, и если я этого желаю, то он с удовольствием будет говорить о нем в предисловии к его популярному изданию „О Крымской войне“. Я поблагодарила и передала ему все номера английских, американских, немецких и французских газет, а также и все официальные телеграммы, которыми извещали об этом великом для меня горе».

⁶¹ Eothen, or Traces of travel brought home from the East. London, 1844 (1-е изд. было анонимным). А. О. Смирнова вспоминала, что путешествовавший по Востоку А. С. Норов в Кандии «встретил Кинглека, который возвращался в Европу. Последний публиковал свое путешествие под названием Eothen, т. е. Заря по-гречески» (Смирнова А. О. Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 222). Под заглавием «Путешествие английского туриста по Востоку» эта книга Кинглека напечатана была в «Современнике» (1848. Т. 8—10, № 3—8); в переводе ее принимали участие В. А. Солоницын (см.: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1952. Т. 10. С. 114) и В. Н. Майков (см.: Евгеньев-Максимов В. «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 161).

⁶² *Kinglake Alexander William. The invasion of the Crimea: its origin, and an account of its progress down to the death of lord Raglan.* Edinburgh; London, 1863—1868. 8 vols. О Кинглеке см.: *Tuckwell W. A. W. Kinglake; a biographical and literary study.* London, 1992. В бумагах О. А. Новиковой, хранящихся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (ныне Российской государственной библиотеке. — Н. К.) в Москве имеется письмо к ней Такуэлла от 7 марта 1901 г. (ф. 126, 8336.26), в котором он извещает, что посылает ей свою рукопись биографии Кинглека и просит внести в нее необходимые поправки и дополнения, а также доставить для печати портрет Кинглека.

⁶³ Первая полная публикация перевода: *Чернышевский Н. Г. Рассказ о Крымской войне по Кинглеку.* М., 1935; см. также: *Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.:* В 15 т. М., 1951. Т. 10. С. 193—440, 1026—1043, 1072—1074. Отрывок из «The invasion of the Crimea» о перевороте 2 дек. 1851 г. во Франции в русском переводе был помещен в приложении к кн.: *Тено Э. Париж и провинция 2 декабря 1851 г.* СПб., 1869. С. 321—428.

Когда же предисловие было написано и доставлено О. А. Новиковой, она пришла в сильнейшее негодование, «до того несправедливо, до того ошибочно и враждебно», показалось ей, Кинглек «говорил о России — о нашей церкви, о нашем императоре». Очевидно, в понимании страны и ее государственных задач, и особенно ее политического строя, чуждого англичанину, славянофильствующая представительница официальной России и либеральный английский публицист расходились во многих пунктах. Тем не менее обаяние этой русской приятельницы Кинглека и ее красноречие оказались, видимо, сильнее его собственных убеждений, которые тотчас объявлены были «предубеждениями»: О. А. Новикова, по ее собственным словам, «вычеркнула почти три четверти из его предисловия», и «обкромсанное» ее рукою, «оно теперь украшает популярные издания „Крымской войны“». ⁶⁴ Джон Морли, упоминая об этом предисловии Кинглека к новому изданию его «Invasion of the Crimea», полагает даже, что «этот эпизод помог Гладстону предчувствовать исход восточной войны». ⁶⁵ Такова была одна из первых побед Новиковой на поприще английской публицистики. Ольга Алексеевна не ограничилась, однако, тем, что приобрела популярность как сестра Николая Киреева, но и проявила себя как весьма строгий цензор высказываний о России английских писателей по политическим вопросам; она все чаще сама принимала участие в английской прессе и все настойчивее добивалась влияния в английских политических кругах.

В пору первых успехов ее на этом поприще Иван Аксаков, которого она должна была считать одним из своих идейных отцов, советовал ей действовать по возможности осторожнее. «Мне кажется, — писал он ей в Лондон еще в 1876 г., — что все-таки к Англии — кем бы она ни управлялась — лучше всегда относиться *осмотрительно* и осторожно, без нашей славянской мягкосердечной доверчивости. Для Англии вопрос жизни — вопрос о рынках, и тут мы с нею и сталкиваемся и в Средней Азии и в Китае. А рынков Гладстон не уступит <...> Вообще, того, что называется *empressement*, стремления ринуться в объятия Англии, едва ли нужно показывать». ⁶⁶ Однако в своем стремлении «расположить к России английскую публику», «вразумить» ее и «успокоить» О. А. Новикова мало слушалась этих советов и являлась зачас-

⁶⁴ Новикова Ольга. Из воспоминаний о Кинглеке // Русское обозрение. 1894. Т. 28, № 8. С. 782—784. Рассказ о Н. Кирееве появился в первый раз в 6-м издании труда Кинглека «The invasion of the Crimea» (Vol. 1. P. VII—XII), напечатанном в январе 1877 г. См. также: *Salisbury Ph. Two months...* P. 194.

⁶⁵ *Morley John. The life of William Ewart Gladstone. London, 1903. Vol. 2. P. 557.*

⁶⁶ Письма к О. А. Новиковой И. С. Аксакова // Русское обозрение. 1895. Т. 35, № 9. С. 338.

тую не только горячей защитницей официальной России, но и страстной обличительницей английской правительственной верхушки. «Она была хорошо знакома с многими государственными людьми — с Гладстоном, с Асквитом, с Кэмпбелл-Бенерманом, и с писателями тоже, как Фруд, Карлейль, Кинглек, Стэд и др., — вспоминал о ней К. Ф. Головин. — Сама она пописывала зачастую в газетах, и надо ей отдать справедливость — в своих статьях она англичан не щадила. Воздать должное здесь надо обеим сторонам, и Ольге Алексеевне за ее откровенное мужество, и английским читателям за их терпимость. Для нее, по-видимому, англичане делали исключение: большие охотники бранить домашние порядки <...> они обыкновенно не допускают, чтобы иностранцы им вторили. В их глазах одни природные британцы имеют право обличать темные стороны английской жизни. Чужие могут этими темными сторонами только восхищаться. Но Ольге Алексеевне все прощалось, и г-н Стэд в своей радикальной газете давал широкое гостеприимство откровенной, негодующей правде, какую, не обинуясь, г-жа Новикова высказывала насчет английской политики».⁶⁷

В конце 70-х гг., выступая в лондонской прессе, Новикова напечатала также несколько книг, частично составившихся из ее статей, но объединенных общей, одушевлявшей их мыслью. Так, в газете «Northern Echo» Новикова в 1877 г. выступила со статьей «Две России», а ряд последующих ее статей в том же органе перепечатан был в Лондоне в особом издании, выпущенном ею с предисловием Фруда, под заглавием «Виновата ли Россия?» («Is Russia wrong?», 1877).⁶⁸ Книга содержала десять статей, написанных в защиту России против нападок английской прессы, и была издана на счет «Общества восточного вопроса» (Eastern Question Association); выручка от продажи ее предназначена

⁶⁷ Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1910. Т. 2. С. 9—10. Г. Г. Асквит (Asquith) и Г. Кэмпбелл-Беннерман (Campbell-Bannermann) — крупные английские политические деятели; последний был в 1907 г. английским премьер-министром. У. Т. Стэд — будущий биограф Новиковой, английский журналист, первоначально редактор консервативной «Pall Mall Gazette», затем издатель «Review of Reviews». В 1890—1891 гг. Стэд помещал свои «Письма об Англии» в крайне правом «Русском обозрении». О его книге «Правда о России» см.: Исторический вестник. 1889. Т. 36, № 4. С. 234—235; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. 1. С. 493—498; см. также: *Панопомт С.* Сенсационный журналист. (Письмо из Лондона) // Неделя. 1899. № 5. Стб. 176—180; *Гилленсон Б. А.* Два английских собеседника. Воспоминания Уильяма Томаса Стэда и Роберта Эдварда Крозьева Лонга // Литературное наследство. М., 1965. Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 2. С. 98—111.

⁶⁸ Книга подписана лишь инициалами О. К., т. е. Olga Kiréeff, под которыми Новикова обычно выступала в печати; см. об этой книге: *Stead*. Vol. 1. P. 398—400. Ср.: Русский архив. 1878. Кн. 1, № 2. С. 189—190.

была в пользу фонда раненым русским воинам, собиравшегося тогда пастором Мак-Коллом.⁶⁹ Заглавия составляющих ее статей дают представление о ее содержании: «Тайные общества и война», «Две России — Москва и Санкт-Петербург», «Вознаграждение за жертвы», «Условия мира, возможные и невозможные», «Отчего русские ненавидят турок?», «Некоторые английские предрассудки», «Традиционная политика», «Русские в Средней Азии», «Статьи Форбса о русских и болгарях»,⁷⁰ «Катков и Московские ведомости».

В следующем году Новикова выпустила другую книгу, дополнившую первую: «Друзья или враги?» (*O. K. Friends or Foes? London, 1878*). Темы остались прежними или близкими к ним; Новикова обсуждала «традиционную политику России», вопрос о «русском нашествии», политическую обстановку будущего мирного конгресса с участием России и Турции, афганскую войну.⁷¹ Эта книга привлекла к себе внимание. Историк Джеймс Брайс находил, что она «полна огня и блеска».⁷²

Наконец, в 1880 г. появилась третья книга О. А. Новиковой, посвященная памяти ее брата и написанная под двойным впечатлением — горькой утраты и благодарности за внимание к себе и к своим политическим взглядам. В этой работе проблемы взаимоотношений России и Англии поставлены были уже с особой остротой, и недаром она называлась книгой «протеста и призыва»: «*Russia and England from 1876 to 1880: a protest and an appeal, by O. K.*» (*London, 1880*).

Книга произвела сенсацию, которой Новикова, естественно, не ожидала, как вспоминала она впоследствии. «Тороплюсь прибавить, что этот успех в значительной степени обязан был поддержке моих друзей, — отмечала она. — Карлейль, слабая и дрожащая рука которого уже не в состоянии была держать перо, советовал Фруду написать предисловие. Сам г-н Гладстон, стоявший во главе оппозиции, накануне всеобщих выборов сделал ее детальный разбор, в котором советовал „каждому англичанину принять к сведению те факты, которые я приводила, может быть несколько резко, но со знанием дела“».⁷³

⁶⁹ М. Мак-Колл, долго живший на Балканах, в том же году выпустил книгу о положении христиан под турецким игом: *MacColl Malcolm. The Eastern question, its facts and fallacies. London, 1877*; ср. также: *Мак-Колль Малькольм. Султан и державы. СПб., 1897*.

⁷⁰ Имеется в виду статья: *Forbes Archibald. The Russians, the Turks, and the Bulgarians at the theatre of war // The nineteenth century. 1877. Vol. 2. No. 9. P. 561—582*. «Форбс набросил в статье своей такую тень на болгарское население и на отношение его к туркам, что защитниками истины против его показаний, очевидно, пристрастных, явились многие, в том числе Гладстон, в публичной лекции» (Русский архив. 1878. Кн. 1, № 2. С. 196).

⁷¹ Ср.: Русский архив. 1879. Кн. 1, № 2. С. 257.

⁷² В письме к Стэду: *Stead. Vol. 2. P. 24*.

⁷³ *Novicoff O de. En Angleterre. P. 38*.

В другой раз, вспоминая вновь о сочувственной рецензии Гладстона в «Nineteenth Century» на эту книгу, Новикова писала: «Лагерь антирусский жестоко восстал на меня; но я принимала эти нападки вполне равнодушно <...> Кинглек принимал все это очень живо к сердцу и непременно хотел парализовать нападение. Чтобы достичь этого, он прервал свою обычную работу — последние томы своей „Крымской войны“ и, не теряя времени, написал статью о „Восточном вопросе“ в Quarterly Review, начало которой было не что иное, как блестящий панегирик всей моей деятельности в Англии. Никто, кроме издателя, не знал в то время автора этой неожиданной демонстрации в мою пользу в среде самого закоренелого торизма».⁷⁴ Большое внимание уделила этой книге также и французская пресса; Эмиль де Лавеле посвятил ей большую, весьма сочувственную статью в «Revue des deux mondes».⁷⁵

В своей книге Новикова резко нападает на восточную политику лорда Биконсфильда, столь враждебную России, и старается доказать английским читателям, что согласие между Россией и Англией может преодолеть многие, иначе непреодолимые трудности и послужить во благо делу, достойному поддержки двух великих держав. Биограф Новиковой, Стэд, не без основания замечает, что этот труд «обнимает гораздо более широкий круг человеческих интересов, чем спор, возникший по поводу жестокостей в Болгарии и сербской войны 1876 г.».⁷⁶ Любопытно, что в России эта книга одно время была запрещена цензурой,⁷⁷ несмотря на то что Новикова всецело стояла на официальной точке зрения и пользовалась поддержкой русских правительственных кругов.

Одновременно с этой книгой или вслед за ней в разнообразных английских журналах и газетах появилась целая серия статей О. А. Новиковой, написанных по различным вопросам текущей политической жизни и преследовавших те же цели — информацию английских читателей о русской государственности, общественности, культуре, большей частью с той же правительственной точки зрения. Письма о России Новиковой печатались в газетах «Northern Echo», «Daily News», «Times», «Pall Mall Gazette», в таких журналах, как «Fraser's Magazine», «Contemporary Review», «Nineteenth Century» и многих других изда-

⁷⁴ Новикова О. Из воспоминаний о Кинглеке. С. 781.

⁷⁵ Laveleye Emile de. L'Angleterre et la Russie en Orient // Revue des deux mondes. 1880. T. 40. 15 juillet. P. 423—454.

⁷⁶ Stead. Vol. 1. P. XI.

⁷⁷ См.: Новикова Ольга. Политический калейдоскоп. (Письмо из Англии) // Русское обозрение. 1896. Т. 38, № 3. С. 414—415.

ниях.⁷⁸ Одновременно Новикова состояла постоянной корреспонденткой катковских «Московских ведомостей», где помещала свои «Письма из Англии», а позднее — корреспонденткой «Русского обозрения».

Хотя Биконсфильд и назвал ее «депутатом от России» («M. P. for Russia»; M. P. — member of Parliament, член парламента), и это прозвание долго держалось за ней, такая характеристика никак не может быть принята без существенных оговорок. В своих сношениях с английскими политическими деятелями Новикова была лишь «неофициальной представительницей официальной России», взяв на себя совершенно добровольно роль истолковательницы и защитницы перед английским обществом как внешней, так и внутренней политики русского правительства. В силу этого круг ее политических идей был весьма ограничен и далеко не совпадал с теми, которые исповедовало передовое русское общество того времени. Ход идейной и общественно-политической борьбы, которая развертывалась на ее родине, она представляла себе довольно смутно. К. Ф. Головин назвал ее «негласной представительницей России не перед английским правительством, а перед английской публикой».⁷⁹ О близости Новиковой к реакционным кругам тогдашней России в достаточной мере говорят ее дружеская переписка с К. П. Победоносцевым,⁸⁰ покровительство бывшему народовольцу Льву Тихомирову после его ренегатства,⁸¹ резкие филиппики ее против русской революционной эмиграции 1870—1880-х гг., с которыми она выступала в западной прессе, и т. д.

И тем не менее роль О. А. Новиковой в деле ознакомления англичан с Россией была довольно велика. «О. А. Новикова, — писал

⁷⁸ Далеко не полный перечень статей Новиковой в английской прессе см. в указателе к книге Стэда о Новиковой (*Stead*. Vol. 2. P. 511—513).

⁷⁹ Головин К. Мои воспоминания. Т. 2. С. 9. П. Д. Боборыкин замечает: «Этого рода Россию (охранительно-монархическую. — М. А.) представляла довольно долго в лондонских политических и литературных салонах одна дама, пишущая под инициалами О. К. — довольно известная и у нас. Едва ли она была не единственная русская, завязавшая обширные знакомства в разных сферах Лондона, начиная с самых высших. До сих пор рассказывают про ее приятельство с Гладстоном и многими другими его сверстниками по политической борьбе. Может быть, этой представительнице русского охранительного патриотизма мы обязаны тем, что „великий старец“ заинтересовался многими сторонами русской жизни и во внешней политике держал нашу руку больше, чем его предшественники» (*Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 317).

⁸⁰ См.: Труды Гос. Румянцевского музея. Вып. 2. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923. Т. 1. Полут. 1. С. 179—180.

⁸¹ См.: Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927 (по указателю — Новикова О. А.). 26 окт. 1888 г. Тихомиров записывает в свою памятную книжку: «У меня завязалась настоящая переписка с Новиковой: прелюбопытная личность. По-видимому, она тоже заинтересовалась мною» (Там же. С. 259—260).

Е. В. Тарле в рецензии на русский перевод книги Стэда, — была бесспорно интересной и недюжинной женщиной; это нужно признать, если сколько-нибудь беспристрастно судить о ней. От природы она была талантливее весьма многих русских официальных дипломатов времен Александра II и Александра III. И, кроме того, ею руководили, помимо честолюбия, еще и определенные идейные интересы, во имя которых она работала иной раз с самою настоящею страстью <...> Для нее существовала, в точности говоря, единственно лишь Россия официальная, за которой никогда, ни единого разу за всю жизнь ей и в голову не пришло искать какую-либо другую Россию. Но это уж вопрос иной, которого тут касаться бесполезно. Важно отметить, что этой официальной России она служила идейно, не за страх, а за совесть, не предавала ее и не продавала, служила всегда с энергией, часто с блеском, иногда с удачею. Ни один историк международных отношений в 1870-х и 1880-х гг. мимо ее фигуры не пройдет без некоторого внимания. От этой фигуры веет холодом, что бы ни говорил ее поклонник Стэд; О. А. Новикова отличалась свойством — *абсолютно не понимать* тех политических и культурных течений, которые ей были несимпатичны; ни глубиной, ни широтою, ни толерантною ее ум не отличался; в лучшем случае, с нетерпением и раздражением, а чаще с решительною злобою, она относилась ко всему, что в религии не совпадало с Победоносцевым, а в общественности с гр. Дмитрием Толстым. Но среди окружавшего ее ничтожества великосветской русской жизни того времени она могла казаться (да и была на самом деле) явлением замечательным». ⁸²

Убежденность, красноречие, публицистический дар, дипломатический такт Новиковой, умение выбирать интересных людей для личного общения, широкие связи в лондонских политических, дипломатических, наконец, учено-литературных кругах привели к тому, что в 1870—1890-е гг. вокруг нее в Лондоне группировалось блестящее общество. Возле нее можно было найти политиков, публицистов разных оттенков, журналистов, ученых, писателей; в разное время посетителями ее салона, ставшего влиятельным центром, были Гладстон и Джон Брайт, лорд Кларендон и Чарльз Вильерс, граф Бейст и сэр Роберт Морьер, Д. Мэкензи Уоллес, Кэнон Лиддон, Абрахам Теуард и др. «В салоне Ольги Алексеевны, — вспоминал М. М. Ковалевский, — можно было встретить людей, редко где показывавшихся, между прочим, историка Карлейля. Я привел в тот же салон однажды Фредерика Гаррисона, известного главу английских позитивистов». ⁸³

⁸² Голос минувшего. 1915. № 10. С. 300—301.

⁸³ Цит. по: Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3, вып. 1. С. 141.

Среди всех этих лиц различных возрастов, мировоззрений и специальностей были старые и убежденные русофилы, как, например, Томас Карлейль или его друг и ученик Фруд; другие становились русофилами в ее гостинной.

Благодаря Новиковой политической жизнью России, ее культурой и искусством заинтересовались кэмбриджский профессор, исследователь первобытного права Генри Мэн, историк В. Э. Х. Лекки, физик Джон Тиндаль, а публицист и историк Оскар Браунинг, не без влияния Новиковой, называл себя даже «вполне русским человеком».⁸⁴ Предотвращать дальнейшие столкновения двух великих держав, разоблачать тайные дипломатические интриги, направленные против России, где бы они ни возникли, содействовать политическому и культурному сближению и взаимопониманию обеих стран — к этому направлены были все ее «протесты и призывы» в печати и в устном общении. В этом и заключался основной политический смысл ее лондонского салона.

Число лиц, которых она принимала у себя, с которыми состояла в переписке, поистине неисчислимо. Многие искали способов быть ей представленными. Ее архив изобилует многочисленными *letters of introduction* и поражает исключительным разнообразием имен. Приемы Новиковой с перерывами продолжались между серединой 1870-х гг. и русско-японской войной, когда преклонные годы значительно уменьшили ее общительность. Она умерла в Лондоне, в глубокой старости, 21 апреля 1925 г., на той самой квартире, которую она занимала свыше четверти века (4, Brunswick Place, Regent's Park).

3

Значительная и, можно думать, бо́льшая часть архива О. А. Новиковой находится в различных библиотеках и архивохранилищах СССР.⁸⁵ Лишь немногие из документов архива были опубликованы са-

⁸⁴ *Stead*. Vol. 2. P. 55.

⁸⁵ Кроме неизвестной нам части архива О. А. Новиковой, которая осталась в Англии после ее смерти в 1925 г. (и частично опубликована в неоднократно упоминавшейся выше двухтомной биографии ее, написанной У. Т. Стэдом), ее бумаги хранятся в нескольких архивохранилищах СССР. Главные массы собранных Новиковой и адресованных ей писем находятся в настоящее время в трех местах:

1) Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ, ф. 137). Среди корреспондентов Новиковой: У. Э. Гладстон, Дж. Г. Кэмбелл-Беннерман, Дж. В. Ф. Вильерс граф Кларендон, В. Э. Форстер, сэр Р. Морнер (британский посол в Петербурге в 1885 г.), сэр Ф. Нейпьер и Эттрик (британский посол в Петербурге в 1860—1864 гг.), Г. Хардинг (вице-король Индии), Э. Клиффорд («L'auteur de „Father Damien“»,

мой Новиковой или специально переданы ею другим лицам для напечатания.⁸⁶ Разработка его неизданной части представляет большой интерес, прежде всего для истории международных дипломатических отношений конца XIX в. Однако в архиве есть также немало интересных *литературных* документов. Три из них, относящиеся ко времени до середины 1870-х гг., уже были приведены выше. Число их увеличивается к концу 70-х—началу 80-х гг., когда, живя в Лондоне, Новикова находилась в постоянном общении со многими представителями английской литературы и искусства. Некоторые из писем этого времени, адресованных Новиковой, как благодаря именам своих авторов, так и по своему содержанию заслуживают пристального внимания.

Выше мы уже указывали на знакомство Новиковой с писательницей Джордж Элиот и с ее мужем, философом Г. Дж. Льюисом. Упомянем также весьма доброе и покровительственное отношение к ней Чарльза Джеймса Ливера (Lever, 1806—1872), беллетриста и дипломата, друга и сотрудника Диккенса; в пору первых успехов Новиковой в лондонском свете Ливер советовал ей написать книгу об Англии, в ма-

согласно надписи Новиковой, т. е. известный филантроп, рассказавший в своей книге 1889 г. о жизни бельгийского миссионера, который покинул родину ради проповеди островам Тихого океана, а затем посвятил себя служению прокаженным, туземцам Сандвичевых островов) и мн. др. Ряд писем к Новиковой (Гладстона, Кларендона, Кэмбелла-Беннермана, Нейпьера) находятся в собрании А. Ф. Онегина-Отто (ф. 217). Кроме того, письма и документы самой Новиковой имеются в архивах: Аксаковых (ф. 3), А. Ф. Кони (ф. 134), П. Н. Воронова (ф. 610) и др.

2) Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ, ф. 345). Здесь хранятся письма к Новиковой свыше ста корреспондентов. Сюда поступили материалы, находившиеся ранее в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи и в Воронежском областном архивном управлении (см.: Литературное наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 783). Среди английских корреспондентов: У. Э. Гладстон, В. Грэхем, В. Э. Х. Лекки, К. Диддон, Дж. Морли, У. Т. Стэд, Д. М. Уоллес и др. (см.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. Литература. М., 1963. С. 323—324).

3) Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ, ф. 126). Помимо ряда уже упомянутых корреспондентов здесь встречается много новых имен: лорд Даферин (британский посол в Петербурге в 1879 г.), Чарльз Дильк, Р. Мерчсон, У. Таквелл, лорд Эверсли и др.

Во всех указанных рукописных хранилищах среди бумаг Новиковой находится также множество адресованных ей писем из Франции, Германии и большие коллекции собранных ею автографов европейских деятелей XVIII—XIX вв.

⁸⁶ Так, Новикова передала С. А. Рачинскому письмо А. Гумбольдта к К. К. Павловой (1858) и отрывок из записок Ю. Ф. Самарина (см.: Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. С. 112—113, 128—133), а П. И. Бартеневу — заметки из собственных записных книжек (см.: Русский архив. 1902. Кн. 3, № 10. С. 302—304); как уже отмечалось, ее архивом широко пользовался ее биограф У. Т. Стэд.

нере «Персидских писем» Монтескье.⁸⁷ В первый раз Новикова приехала в Лондон в 1868 г., когда затем начиная с 1873 г. она все чаще появлялась здесь, в живых уже не было ни Диккенса, ни Теккерея. Из писателей старого поколения она близко знала лишь Томаса Карлейля.⁸⁸

⁸⁷ См.: *Stead*. Vol. 1. P. 197. Возможно, Ливер передал Новиковой для коллекции письмо к нему Ч. Диккенса от 8 нояб. 1859 г. (ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 37; см. нашу публикацию: Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественно-го движения. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 357—362).

⁸⁸ См.: *Stead*. Vol. 1. P. 310; Vol. 2. P. 6—7, 26, 123. Знакомство О. А. Новиковой с Карлейлем состоялось в конце 1876 г., через посредство проф. Дж. Тиндалля. В это время Карлейль по-прежнему был горячим приверженцем России. Сама Новикова вспоминала впоследствии, что в 1876 г. Карлейль писал: «Вопли газет против России, по моему мнению, не лучше воя в Бедламе и объясняются лишь глубоким невежеством, эгоизмом и жалкою национальною завистью. Нам стоит только взглянуть в события Крымской войны <...> чтобы вполне оценить все наши потери времени, денег и сил, благодаря нашей болезненной русофобии» (Русское обозрение. 1896. Т. 38, № 3. С. 420). Отсюда интерес Карлейля к книгам и статьям О. А. Новиковой (см.: *Stead*. Vol. 2. P. 45, 62, 77). Посредником между Новиковой и Карлейлем в последние годы его жизни был также известный историк, а впоследствии издатель и биограф Карлейля — Дж. Э. Фруд (Froude, 1818—1894, автор книг: «Thomas Carlyle: a history of the first forty years of his life», 1882, «Thomas Carlyle: a history of his life in London», 1884). На своем шотландско-английском наречии Карлейль называл Новикову «The Rooshian leddy» и бывал в ее салоне. Вскоре после выхода в свет второго издания ее книги «Винувата ли Россия?» Новикова писала Стэду: «Приходили ко мне прощаться Карлейль и Фруд. Первый, крайне любезный, принес мне своего „Фридриха“ и старческой дрожащей рукой надписал свое имя. Уходя, он сказал: „Что ж, я уверен, ваша брошюра будет иметь большой успех“. — „Не думаю, — отвечала я. — Прошлогодня брошюра содержала предисловие г-на Фруда, которое и обеспечило ей переиздание, а в этой нет никакого введения“. — „В нем совсем нет надобности“, — возразил милый Карлейль и поцеловал мне руку» (*Stead*. Vol. 2. P. 26). Стэд приводит также некоторые другие данные, свидетельствующие о симпатии Карлейля к Новиковой. «Однажды, — рассказывает он, — Карлейль и Фруд вместе посетили Новикову, как они часто делали. Карлейль убеждал ее издать свои статьи. В ответ она спросила: „А вы напишете предисловие?“ — обратилась она к Карлейлю. Он с грустью посмотрел на свои трясущиеся руки и сказал: „Нет, не могу. А вот молодой человек, Фруд, он может написать“. Фруд изъявил согласие, и таким образом „Россия и Англия“ вышла в свет с предисловием, написанным под сильным влиянием Карлейля» (Ibid. P. 59). В последующих письмах Фруд извещал Новикову о тяжелой болезни и смерти Карлейля, а 20 февр. 1881 г. сообщил ей о его погребении: «Он ушел от нас, этот величайший из людей, которых нам суждено встретить в жизни. Я присутствовал при том, как его опустили в землю в его родной деревеньке Киркярд. Тиндаль, я и Лекки стояли у могилы, пока его засыпали землей» (Ibid. P. 124). «Не могу сказать вам, как меня расстроила смерть Карлейля и Достоевского, — писала Новикова Стэду из Москвы. — Конечно, я хорошо помню, как прошлой осенью Карлейль неоднократно говорил о том, что он сам желает смерти. Но я непоправимая эгоистка, и для меня страшно тяжела мысль, что я никогда уже не увижу этого дорогого лица, никогда. Во всяком случае, Карлейль дожил до конца, его работа сделана; но Достоевский!» (Ibid. P. 124). Вскоре Новикова напечатала весьма прочувствованный некролог Карлейля, в котором, между прочим, писала: «В продолжение долгого времени этих двух замечательных людей соединяла неизменная дружба. Фруд годами 20 или более моложе Карлейля и может в

Однако среди посетителей ее салона, сначала в аристократическом Claridge Hotel, излюбленном местожительстве всех знатных иностранцев в Лондоне, а затем на Brunswick Place, Regent's Park, можно было встретить немало живых свидетелей блестящего периода английской литературы, которым Новикова всегда очень интересовалась. Гостем Новиковой был, например, лорд Хаутон (Houghton), некогда носивший имя Монктона Милнса, школьный друг Теннисона и Теккерея, автор монографии о Китсе, путешественник и космополит, числивший среди своих русских знакомцев И. С. Тургенева, которого он в 1858 г. ввел в лондонский литературный кружок.⁸⁹ Посетителями салона были также «quasi-поэт и тонкий критик Hayward», как его аттестует сама Новикова,⁹⁰ Генри Бульвер, дипломат и писатель, брат Эдуарда Бульвера-Литтона, знаменитого беллетриста.⁹¹ Через их посредство Нови-

некотором смысле считаться его учеником. Взгляды их на английскую конституцию, на Крымскую войну, на Россию почти тождественны. Они одинаково смеялись над первой, осуждали вторую, сочувствовали третьей» (*О. К. Вести из Англии. Томас Карлейль // Московские ведомости. 1881. 7 февр. № 38. С. 3.*

⁸⁹ См.: *Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1963. Т. 3. С. 200, 552, 687.* Новикова вспоминала, что познакомилась с лордом Хаутоном у леди Голланд: «Его фамилия была сначала „Монктон Мильнс“, но он награжден был лордством и превратился в лорда Гаутона» (*Русское обозрение. 1894. Т. 28, № 8. С. 777*). В другой раз она отмечала, что лорд Хаутон сопровождал ее на приеме у лорда-мэра Лондона (Там же. 1892. Т. 6, № 11. С. 259).

⁹⁰ *Русское обозрение. 1894. Т. 28, № 8. С. 778.*

⁹¹ *William Henry Bulwer Lytton (1801—1872)* — посланник в Мадриде, Вашингтоне, при Османской Порте (1858—1865), затем видный член парламента, родной брат известного писателя Edward George, earle Lytton (Bulwer Lytton, 1803—1873). Вероятно, через его посредство Новикова получила для своей коллекции автограф Бульвера-романиста, сохранившийся в ее бумагах (ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 21); это — малозначительная записка без даты:

Dear Mrs Derbyfield <?>

I delayed answering your very kind note in the hope that I might get off an engagement for the 24-th & so have the pleasure of accepting your invitation. But alas, I am unable to do so — & I must hasten therefore to request you to accept my sincere regrets & excuses.

Yours truly
E. Lytton

Park Lane
Wednesday

Перевод:

Уважаемая миссис Дербифилд

Я все откладывал ответ на Вашу любезную записку в надежде, что смогу отделаться от одного обязательного дела 24-го числа и таким образом буду иметь удовольствие принять Ваше приглашение. Но, увы, я лишен этой возможности и потому спешу Вас просить принять мои искренние сожаления и извинения.

Истинно Ваш
Э. Литтон

Парк-Лейн
Среда

кова постепенно пополняла свою коллекцию автографов, которую начала собирать в 70-е гг. Один из ее лондонских приятелей, историк лорд Ф. Г. Стейнхоп (Stanhope), подарил ей автографический ранний сонет Б. Дизраэли (ставшего впоследствии лордом Биконсфилдом, с которым она и сама познакомилась в русском посольстве), стихотворный автограф Маколея;⁹² от других знакомых она достала письма У. Питта (1845), письмо и три автографические записки Диккенса; к сожалению, последние представляют собою лишь образцы его характерной подписи, сделанные им в свое время для кого-либо из его почитателей и собирателей автографов.⁹³ В архиве Новиковой немало и других аналогичных документов.

Непосредственно адресованы Новиковой три записки Мэтью Арнольда 1881—1882 гг.; они свидетельствуют, что этот известный в те годы поэт, философ и критик не только был посетителем ее гостиной, но и посвящал ее в свои литературные дела и дарил ей свои новые книги.⁹⁴

⁹² См.: *Stead*. Vol. 1. P. 194—196.

⁹³ Две записки: ГБЛ, ф. 126, 8382.39 (дата: 20 января 1864 г.; см.: *Катарский И. М.* Автографы Диккенса в московских рукописных собраниях // Чарльз Диккенс. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1838—1960. М., 1962. С. 283), одна: ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 38 (дата 3 июня 1864 г.). О письме см. выше, примеч. 87.

⁹⁴ ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 5. Приводим эти записки:

Athenaeum Club. Pall Mall S. W.
Oct. 25-th <1881>

My dear Madame Novikoff.

I am here for a few hours to-day, but shall not be here to-morrow, I am never here now between 4 and 6. May I not come and call upon you some day next week as early as 1/2 past 2?

Most truly yours
Matthew Arnold

На конверте: Madame Novikoff. Crowley's Hotel, Albermarle Street.

Почтовый штамп: London. S. W. Oct. 25 81.

Перевод:

Клуб Атенеум.
Пэлл-Мэлл.
Юго-Запад

Окт. 25

Дорогая госпожа Новикова.

Сегодня я здесь на несколько часов, но завтра меня здесь не будет. Я теперь никогда не бываю здесь между четырьмя и шестью. Нельзя ли мне посетить Вас в какой-нибудь день на той неделе уже в половине третьего?

Искренне Ваш
Мэтью Арнольд

На конверте:

Госпоже Новиковой. Альбермарль-стрит. Гостиница Краули.

Еще более любопытны письма к О. А. Новиковой тогдашних молодых писателей, например, Оскара Уайльда — периода его первых литературных успехов и Джорджа Мередита, еще не добившегося полного признания. Эти письма представляют немаловажный источник для истории англо-русских литературных отношений и любопытное свидетельство того интереса к русской литературе, который как раз пробуждался в Англии в эти годы.

Приводим письмо Оскара Уайльда:

Вторая записка, написанная два дня спустя, имеет прямое отношение к первой:

Cobham, Surrey

Oct. 27th

Dear Madame Novikoff

Unless I find a note from you at the Athenaeum to tell me not to come, I shall call upon you 2 ½ on Tuesday afternoon, the 1st of November.

Very truly yours

Matthew Arnold

Перевод:

Кобэм, Сэррей

27 окт.

Дорогая госпожа Новикова.

Если я не найду в «Атенеуме» записки от Вас, говорящей, чтобы я не приходил, явлюсь к Вам с визитом в половине третьего пополудни, во вторник, 1 ноября.

Искренне Ваш

Мэтью Арнольд.

Третья записка, датированная 7 февраля, вероятно, относится к следующему, 1882 г.

Cobham, Surrey

Feb. 7th

Dear Madame Novikoff

I shall not be in London to-morrow, and on Thursday I shall be too busy with schools to have time for a call in Albermarle Street. So I send this book instead of bringing it. I wish I could have brought it, even though I might again have heard of the requisition to the Lord Mayor.

Ever truly yours

Matthew Arnold

Перевод:

Кобэм, Сэррей

7 февр.

Дорогая госпожа Новикова.

Завтра меня в Лондоне не будет, а в четверг я буду слишком занят школьными делами, чтобы успеть явиться с визитом на Альбермарль-стрит. Поэтому я посылаю книгу вместо того, чтобы ее принести. Я бы предпочел ее принести, даже если бы пришлось опять слышать о вызове к лорд-мэру.

Всегда искренне Ваш

Мэтью Арнольд

16, Tite Street,
Chelsea, S. W.

Dear Madame Novikoff,

I hope you have not forgotten your promise to write me a short article on the three Russian novelists, Tourgenieff, Dostoieffski, and Tolstoi giving any little personal reminiscences, and descriptive touches that may occur to you. Every body is interested in the Russian novelists now, but there is no one but yourself who has had any personal knowledge of either Tolstoi or Dostoieffski — your account of the latter I thought most interesting.

We are now devoted to Russian sweets in this house! My wife paid your protégé a visit. Hoping to have the pleasure of seeing you soon again, and with my wife's kindest regards

Believe me

Very truly yours

Oscar Wilde

На конверте: Madame Novikoff.
Holloways Hotel. Dover Street. W.⁹⁵

Перевод:

16, Тайт стрит,
Челси, Юго-запад.

Дорогая госпожа Новикова,

Я надеюсь, что вы не забыли своего обещания написать для меня небольшую статью о трех русских романистах, Тургеневе, Достоевском и Толстом, используя личные воспоминания и описав некоторые их черты, какие придут вам на ум. Сейчас все интересуются русскими романистами, но нет никого, кроме вас, кто бы был лично знаком с Толстым или Достоевским — ваш рассказ о последнем я считаю чрезвычайно интересным.

Сейчас все мы в этом доме предаемся русским лакомствам! Моя жена нанесла визит вашей протеже.

Надеясь иметь удовольствие увидеть вас снова в скором времени, и с наилучшими пожеланиями моей жены,

остаюсь

искренно ваш

Оскар Уайльд

На конверте: Госпоже Новиковой.
Гостиница Холлоуэй. Дувр стрит. Запад.

Письмо не датировано, однако на сохранившемся полуоборванном конверте можно разобрать остатки отпечатка почтового штемпеля: Oct. 87, т. е. октябрь, 1887 г.

Подробности знакомства О. Уайльда с О. А. Новиковой нам неизвестны, но приведенное письмо показывает, что это знакомство было в достаточной степени близким. Обращение к ней Уайльда становится вполне понятным, если вспомнить, что Новикова действительно общалась и переписывалась с тремя названными в письме русскими писате-

⁹⁵ ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 125.

лями. О встречах и переписке ее с И. С. Тургеневым мы уже говорили. Знакомство ее с Ф. М. Достоевским состоялось, вероятно, в конце 70-х гг.; известны два письма к ней Достоевского 1879 г.,⁹⁶ личные встречи их относятся примерно к тому же времени.⁹⁷ Стэд напечатал письмо Новиковой к нему по поводу смерти Достоевского: оно дышит неподдельным горем.⁹⁸ В 80-х гг. в своем лондонском салоне Новикова, несомненно, пропагандировала Достоевского: 16 сентября 1889 г. Гладстон писал ей, что он читает «Преступление и наказание» во французском переводе, вероятно, по ее же совету.⁹⁹

С Львом Николаевичем Толстым О. А. Новикова также была знакома лично; их встречи и беседы, впрочем, относятся к ее ранней молодости, к концу 50-х гг. Об одной такой встрече есть запись в дневнике Л. Н. Толстого от 24 ноября 1857 г.; запись свидетельствует, что при этом велись серьезные разговоры на философские темы.¹⁰⁰ В воспоминаниях Е. И. Сытиной о Л. Н. Толстом в 50-х гг. рассказывается: «За

⁹⁶ Письма Ф. М. Достоевского к О. А. Новиковой от 11 и 28 марта 1879 г. впервые опубликованы Н. Л. Бродским: Свиток. М., 1922. Кн. 1. С. 150—152.

⁹⁷ В письме к жене от 22 июня 1878 г. из Москвы Достоевский писал: «Очень хочет и зовет меня Новикова (Киреева). Не знаю, когда к ней»; в другом письме к ней же от 25 мая 1880 г. он сообщал, что накануне «поехал к Новиковой, был встречен очень любезно» (*Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка*. Л., 1976. С. 263, 319). Сохранились 6 неопубликованных писем Новиковой к Достоевскому 1879—1880 г.: ГБЛ, ф. 93, П. 7. 26. [Эти письма, а также письмо Новиковой к Достоевскому (29 июня—начало июля 1878 г.), хранящееся в Рукописном отделе ИРЛИ (3 29791), опубликованы и прокомментированы С. А. Ипатовой. См.: Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А. О. Ишимова, О. А. Новикова, М. А. Поливанова) / Подгот. текстов и коммент. С. А. Ипатовой // *Достоевский: Материалы и исследования*. 13. К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. СПб., 1996. С. 247—263.]

⁹⁸ *Stead*. Vol. 2. P. 124—125.

⁹⁹ *Ibid.* P. 368.

¹⁰⁰ Л. Н. Толстой записал: «У Паниных Ухтомский ведет бал, мало народа. Всё приятные люди. Скучно. Варенька Перфильева нехороша. Ливен недурна. Киреева не верит с радостью в Христа. Ей 17 лет» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.* М., 1937. Т. 47. С. 164). Панины — вдова гр. А. Н. Панина, урожд. Толстая, и ее дочь, Мария Александровна (в замужестве кн. Мещерская), которых Толстой часто посещал в бытность свою в Москве. Впоследствии Новикова подарила Толстому свою книгу «Russia and England», и тот в ответ писал ей: «Очень благодарю Вас, Ольга Алексеевна, за книгу. Я знаю ее по статье в *Revue des deux Mondes* и прочел то, что меня особенно интересовало» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.* М., 1958. Т. 90. С. 240; «статья в *Revue des deux Mondes*» — см. выше примеч. 75). В 1897 г. Толстой и Новикова столкнулись в лондонской прессе, но лишь косвенно, в связи с самоубийством в Петербурге, в Петропавловской крепости, курсистки М. Ф. Ветровой и волнений по этому поводу среди учащейся молодежи. Новикова напечатала в «*Times*» статью, в которой, передавая эпизод, старалась смягчить его и оправдать действия русского правительства. В резкую полемику с нею вступил В. Г. Чертков, напечатавший в той же газете опровержение статьи Новиковой согласно тем данным, которые сообщил ему Л. Н. Толстой.

ним ухаживала „вся Москва“. Как же! Он был знатен и уже известен как писатель <...> В числе ухаживающих за ним девиц была Ольга Киреева, впоследствии Новикова. У нее было некрасивое, крупное, широкое русское лицо с добрыми умными глазами. Он заочно мне называл ее „Маланьюшкой“.¹⁰¹ Зимой 1857—1858 гг. Толстой нередко бывал в доме матери Ольги Алексеевны, А. В. Киреевой, на Большой Никитской, привлекаемый, в особенности, концертами, которые там устраивал Николай Рубинштейн.¹⁰²

Во всяком случае, Уайльд не ошибался, утверждая, что в Лондоне 1887 г. О. А. Новикова была едва ли не единственным человеком, лично знавшим всех трех русских писателей — Тургенева, Достоевского и Толстого; об этом ему, вероятно, было известно с ее слов.

Интерес Уайльда к русской литературе мог быть, конечно, поддержан Новиковой, но возник у него, по-видимому, непосредственно в атмосфере всеобщего пробудившегося внимания к русским писателям в Англии, отчасти же под влиянием французской литературы. Любопытно, что уже в 1886 г. Уайльд напечатал в «*Macmillan's Magazine*» свой перевод «Пожара на море» И. С. Тургенева, познакомившись с ним по французскому томику посмертных произведений Тургенева (*Tourguéneff I. Oeuvres dernières. Paris, Hetzel, 1885*) и снабдив его маленьким примечанием, в котором сказано, что этот рассказ представляет собою воспоминание о подлинном случае из жизни русского писателя и что он продиктован был Тургеневым по-французски за три месяца до его смерти.¹⁰³ В следующем, 1887 г., следовательно, в том же году, когда он обратился к О. А. Новиковой приведенным выше письмом, Уайльд начал свою статью в «*Pall Mall Gazette*», о новых европейских романах, критическим разбором «Униженных и оскорбленных» Достоевского в английском переводе Фредерика Уишо (*Whishaw*).¹⁰⁴ Таким образом, это была действительно пора его увлечения произведениями русской литературы. Из трех названных им писателей наименьшее тяготение он, видимо, чувствовал к Л. Н. Толстому и наибольшее — к Тургеневу. В одной из своих статей того же 1887 г., оза-

¹⁰¹ Литературное наследство. М., 1939. Т. 37—38. С. 404.

¹⁰² Там же. О матери Ольги Алексеевны, А. В. Киреевой, Толстой был невысокого мнения. 8 мая 1858 г. он сделал такую запись в дневнике: «Киреева оттого необыкновенная и странная дура, что, когда была хороша, ее принимали за умную» (*Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 15*).

¹⁰³ *Macmillan's Magazine*. 1886. Vol. 54. No 319. May. P. 39—44. О принадлежности перевода Оскару Уайльду см.: *Mason Stuart. Bibliography of Oscar Wilde. London, <1914>. P. 111.*

¹⁰⁴ *A batch of novels // Pall Mall gazette. 1887. Vol. 45. No 6902. May 2. P. 157—161.* Статья перепечатана в кн.: *Wilde Oscar. Reviews. London, 1908. P. 157—161.*

главленной «Русские романисты», Уайльд прямо заявляет, что Тургенев — это «тончайший» из русских художников слова; он соглашается с тем, что Толстой имеет «широту зрения и эпическое достоинство» и что Достоевского отличают «напряженность страсти» и психологическая глубина; но Тургенев, думается ему, был все же выше их обоих, потому что он имел дело не только с фактами жизни, но и с их последствиями (effects of life).¹⁰⁵ И такое мнение было в то время распространенным между деятелями английского эстетического движения.

Тургенев был в это время в Англии, несомненно, самым популярным из русских писателей. Однако интерес к Толстому и Достоевскому проявлялся все сильнее. В заметке, помещенной в английском журнале «Athenaeum» за 1886 г. о книге французского критика Э. Дюпюи, считавшегося авторитетом в области русской литературы, высказывалось мнение, что ни Гоголь, ни Толстой не найдут себе читателей в Англии и что место, которое занимает там Тургенев, едва ли будет у него отнято каким-либо другим русским писателем.¹⁰⁶ Между тем произведения Толстого именно в эти годы все чаще появляются как в английских, так и в американских изданиях. В 1886 г. отдельно изданы были (в переводе с французского) «Война и мир»¹⁰⁷ и «Анна Каренина», в 1887 г. — «Смерть Ивана Ильича».¹⁰⁸ И в Англии и в США интерес к Толстому, в своей основе прежде всего этико-философский, начал даже затмевать популярность Тургенева. В 1886 г. в чикагском журнале «The Dial» появилась, например, статья Керкленда под весьма характерным заглавием: «Толстой и русское нашествие в области литературы»; в 1887 г. в Лондоне Мэтью Арнольд напечатал свою известную статью о Толстом,¹⁰⁹

¹⁰⁵ Russian novelists // Pall Mall gazette. 1887. May 2. Цит. по: Decker Clarence R. The aesthetic revolt against naturalism in Victorian criticism // Publications of the Modern language association of America. 1938. September. Vol. 53. No 3. P. 854; см. также: Gettmann Royal A. Turgenev in England and America. Urbana, Illinois, 1941. P. 133—138.

¹⁰⁶ Athenaeum. 1886. January 30. No 3040. P. 165—166. Рецензируемая книга: Dupuy Ernest. Les grands maîtres de la littérature russe au XIXe siècle. Les prosateurs: N. Gogol, I. Tourguénef, Cte L. Tolstoï. Paris, 1885.

¹⁰⁷ War and Peace; a historical novel, by count Léon Tolstoï, transl. into French by a Russian lady, and from the French by Clara Bell. London, 1886. Улучшенное американское издание этого же перевода — New York, 1886; лондонское трехтомное издание «Войны и мира» (Vizetelly and Co) вышло в 1887 г. (см. рец.: Spectator. London. 1887. Vol. 60. P. 202—203).

¹⁰⁸ Anna Karénina. By Count Lyof N. Tolstoi. Transl. by Nathan Haskell Dole. New York, 1886; Iván Ilyitch, and other stories, by Count Lyof Tolstoi; transl. from the Russian by Nathan Haskell Dole. New York, 1887; см. также библиографический указатель: Tolstoi in English, 1878—1929. A list of works by and about Tolstoi in the New York Public library. Compiled by Antonina Yassukovitch. Introduction by Avrahm Yarmolinsky. New York, 1929.

¹⁰⁹ Kirkland Joseph. Tolstoi, and the Russian invasion of the realm of fiction // The Dial. Chicago. 1886. Vol. 7. P. 79—81; Arnold Matthew. Count Leo Tolstoï // The Fortnightly Review. 1887. Vol. 48. P. 783—799.

и в то же время в двух других журналах появились новые критические работы о нем, посвященные, главным образом, разбору его этических доктрин и провозглашавшие его «духовное превосходство» над Тургеневым; в одной из них это прямо объяснялось тем, что Толстой, в отличие от Тургенева, не был «испорчен» Парижем и что для английского читателя имеет особое значение его «решительная сосредоточенность на русских вещах <...> истолкованных с русской точки зрения».¹¹⁰

Одновременно возникал интерес и к Достоевскому. Хотя еще в 1879 г. международный литературный конгресс во время сессии в Лондоне единогласно избрал Достоевского членом почетного комитета Международной литературной ассоциации, о чем известил и самого Федора Михайловича,¹¹¹ но первый английский перевод его произведения вышел лишь в год его смерти (1881), а некоторую известность его романы начали приобретать в Англии лишь пять лет спустя. Перевод «Записок из мертвого дома», изданный в 1881 г., по-видимому, пришелся по вкусу английским читателям, так как в один год он был перепечатан четыре раза.¹¹² Следующей книгой Достоевского, изданной по-английски, было «Преступление и наказание» (1886), вышедшее почти одновременно с «Униженными и оскорбленными» (1886), в переводе Ф. Уишо, оценку которого, как мы видели, дал и Оскар Уайльд.¹¹³ Тот же переводчик выпустил в Лондоне свои переводы «Идиота» (1887), а затем «Села Степанчикова» и «Игрока» (1888; 2-е изд. 1889); последний роман тем более понравился в Англии, что в нем есть симпатичный образ молодого англичанина, противопоставленный глав-

¹¹⁰ Count Leo Tolstoy's life and works // Westminster review. 1888. Vol. 130. No 3. P. 279 (вся статья — р. 278—293); см. также: *Wedgwood Julia. Count Leo Tolstoy // Contemporary review.* 1887. Vol. 52. August. P. 249—263. См.: *Зиннер Э. П. Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX и начала XX столетия.* Иркутск, 1961. С. 49—74 (гл. II. История знакомства с творчеством Л. Н. Толстого в Англии).

¹¹¹ См.: *Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах.* М.; Л., 1935. С. 284.

¹¹² *Bured alive or ten years of penal servitude in Siberia, by Feror Dostoyeffsky. Transl. from the Russian by Marie von Thilo.* London, 1881. Под другим заглавием «Записки из мертвого дома» вышли семь лет спустя: *Prison life in Siberia, by Fedor Dostoeffsky, author of «Crime and Punishment», «Injury and Insult» etc. Sole and authorized translation by H. Sutherland Edwards.* London, 1888. Указание, что этот перевод «авторизован», возбуждает некоторое сомнение.

¹¹³ *Crime and Punishment, a Russian realistic novel, by Fedor Dostoeffsky, author of «Buried alive».* London, 1886 (см. рец.: *Новое время.* 1886. 23 мая. № 3674. С. 3); *Injury and Insult, by Fedor Dostoeffsky, author of «Crime and Punishment».* Transl. from the Russian by Frederick Whishaw. London, 1886.

ному герою. Наконец, Уишо издал также переводы «Дядюшкиного сна» и «Вечного мужа» (1888).¹¹⁴

Все эти издания более или менее сочувственно встречены были в английских журналах. В «Spectator» 1886 г. с похвалой отзывались о «своеобразии» Достоевского и подчеркивали высоту его этических воззрений и «христианский идеализм» в противовес тургеневскому «пессимизму»;¹¹⁵ критик Джон Ломас в «Macmillan's Magazine» 1887 г. в свою очередь хвалил его ранние произведения как «автобиографические» и «правдивые», но еще отрицал значение более поздних, например, «Бесов» или «Братьев Карамазовых»;¹¹⁶ статья, помещенная в «London Quarterly Review» 1888 г. под заглавием «Два русских реалиста», даже отдавала Достоевскому (впрочем, также и Толстому) предпочтение перед Тургеневым, из тех же этических «нонконформистских» соображений.¹¹⁷ Вышедший в 1894 г. перевод «Бедных людей» с предисловием Джорджа Мура был, однако, последней книгой в этой первой серии английских переводов Достоевского: между 1894 и 1910 гг. они больше не появлялись. Характерно, что Дж. Мур, преклонявшийся перед Тургеневым, и в этом своем предисловии сопоставил обоих русских писателей не в пользу Достоевского; он даже готов был причислить Достоевского к «малой литературе», в отличие от литературы глубокой, серьезной; по его мнению, Достоевский «относится к Тургеневу так же, как тонкое полотно относится к тонкому шелку: я говорю не о тонкости стиля, а о тонкости мысли».¹¹⁸ Таким образом, полоса

¹¹⁴The Idiot, a Russian realistic novel, by Fedor Dostoieffsky... Transl. from the Russian by Frederick Whishaw. London, 1887; The Friend of the Family, and The Gambler, by Fedor Dostoieffsky... Transl. from the Russian by Frederick Whishaw. London, 1888; Uncle's Dream, and The Permanent Husband, by Fedor Dostoieffsky... Transl. from the Russian by Frederick Whishaw. London, 1888. См. также: *Достоевская А.* Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского. СПб., 1906. С. 213—214; *Neuschäffer W.* Dostojewskijs Einfluss auf den englischen Roman. Heidelberg, 1935. 110 S. (Anglistische Forschungen, hrsg. J. Hoops. H. 81); *Muchnic Helen.* Dostoevsky's English reputation (1881—1936). Northampton, Mass., 1938. VI. 219 p. (Smith College studies in modern languages. Vol. 20. No 3—4); *Beebe Maurice and Newton Christopher.* Dostoevsky in English: A selected checklist of criticism and translations // Modern fiction studies. 1958. Autumn. Vol. 4. No 3. P. 271—291.

¹¹⁵Spectator. 1886. Vol. 59. July. P. 937—938.

¹¹⁶Lomas J. Dostoevsky // Macmillan's Magazine. 1887. Vol. 55. January. P. 187—198.

¹¹⁷Two Russian realists // London quarterly review. 1888. Vol. 70. April. P. 57.

¹¹⁸Poor Folk, transl. from the Russian of F. Dostoieffsky by Lena Milman, with an Introduction by George Moore. London, 1894. P. XI—XII. Дж. Мур (1852—1933), беллетрист и критик, с 1872 по 1882 г. жил в Париже и в своем раннем творчестве испытал на себе сильное влияние французских натуралистов, а затем и Тургенева; впоследствии он встал в ряды деятелей эстетического движения. К Достоевскому он относился с меньшим энтузиазмом. Статья, предпосланная переводу «Бедных людей», вошла затем в сборник Мура «Impressions and opinions» (New York, 1891). Ср. отзыв его о романах Достоевского, написанный четверть века спустя: «Прежде чем мы сможем ими восхищаться, современ-

подлинного увлечения Достоевским началась в Англии лишь незадолго до начала мировой войны 1914 г.; это было второе и на этот раз настоящее его «открытие». ¹¹⁹ Тем не менее уже и в конце 80-х гг. можно говорить об интересе к Достоевскому ряда английских писателей — Стивенсона, Гиссинга, Мередита; некоторые из них знали его произведения лишь по французским переводам, другие — по английским, очень несовершенным; и все же в творчестве каждого из них Достоевский оставил некоторые следы, более или менее приметные. ¹²⁰ К числу

ная жизнь должна вытравить все *греческое из нас*» (*Moore G. Avowals. London, 1919. P. 125*). Подробнее об отношении Дж. Мура к русским писателям см.: *Жантеева Д. Г. Эстетические взгляды английских писателей конца XIX—начала XX века и русская классическая литература // Из истории литературных связей XIX века. М., 1962. С. 174—177.*

¹¹⁹ См.: *Neuschäffer W. Dostojewskijs Einfluss... S. 6—8; Muchnic H. Dostoevsky's English reputation... P. 62—110 (ch. IV. The Dostoevsky cult — 1912—1921);* ср.: *Dostojewski in Frankreich und England // Slavische Rundschau. Prag, 1931. No 5. S. 310—318.*

¹²⁰ См.: *Phelps Gilbert. The Russian novel in English fiction. London. 1956. P. 156—172 (ch. IX. Gaboriau with psychological sauce?).* Фелпс преимущественно подчеркивает значение творчества Достоевского для Дж. Мура, Дж. Гиссинга и Р. Л. Стивенсона. Заслуживают внимания суждения о Достоевском Стивенсона. В письме к Дж. Э. Саймондсу, относящемся к весне 1886 г., английский писатель дал восторженную характеристику Достоевского и добавил, что «Преступление и наказание» (известное ему во французском переводе) — самый замечательный из всех романов, читанных им за последнее десятилетие. По поводу «Униженных и оскорбленных» Стивенсон здесь же заметил, что этот роман «менее последователен, чем „Преступление и наказание“, но одухотворен той же чудесной добротой и имеет сильные места» (*Stevenson Robert Louis. The letters to his family and friends. Ed. by S. Colvin. 9th ed. London, 1910. Vol. 2. P. 20*). В позднейшем сборнике статей «Across the plains» (Leipzig, 1892. P. 210) Стивенсон упомянул «безропотного героя» (uncomplaining hero) «Униженных и оскорбленных». Особое внимание исследователей привлекло разительное сходство рассказа Стивенсона «Маркхейм» («Markheim», 1885) с «Преступлением и наказанием», тем более, что рассказ писался в 1884 г., когда роман Достоевского появился во французском переводе, который прочел Стивенсон. Помимо освещения этого вопроса в общих исследованиях (см.: *Жантеева Д. Г. Эстетические взгляды английских писателей... С. 178; Muchnic H. Dostoevsky's English reputation... P. 17—18, 172—174* — оба автора, однако, находят сходство двух произведений внешним; *Phelps G. The Russian novel... P. 166—168*) имеются специальные работы на эту тему (*Knowlton E. C. A Russian influence on Stevenson // Modern Philology. 1916. Vol. 14. No 8. P. 449—454; Комова Ю. П. «Маркхейм» Р. Л. Стивенсона и «Преступление и наказание» // XXV Герценовские чтения. Литературоведение. Краткое содержание докладов. Л., 1972. С. 89—91*). В рассказе Стивенсона молодой человек, по имени Маркхейм, убивает хозяина антикварной лавки, чтобы воспользоваться его деньгами и начать новую жизнь. «Преступление, за которым вы меня застали, — доказывает он случайному свидетелю, — мое последнее. На пути к нему я усвоил не один урок, и оно само стало для меня уроком, серьезнейшим уроком <...> Но сегодня, из того, что совершенно здесь, я извлеку предостережение и богатство — то есть силу и новую решимость стать самим собой. Отныне я буду свободен во всех своих поступках, я уже вижу себя совсем другим человеком, вот эти руки творят добро, это сердце обретает мир» (*Стивенсон*

этих писателей нужно отнести и Оскара Уайльда. Письмо его к Новиковой позволяет довольно точно датировать первую пору его увлечения русскими «лакомствами».

Указанные выше статьи Уайльда — не единственное свидетельство его серьезного интереса к русской литературе. Об этом же говорят страницы его зрелых критических этюдов. Во второй части уайльдовского диалога «Критик как художник» один из собеседников Гильберт говорит: «...в России внезапно пробудился дух средневековья, этот дух, свойственный не времени, но темпераменту, на мгновение взволновавший нас роковым обаянием страдания»,¹²¹ и это утверждение эстета, типичное своей поверхностностью и неисторизмом, перекликается с другим, подобным утверждением: «Некоторые русские художники проявили себя в искусстве творчеством средневекового характера, потому что доминирующая нота в нем — совершенствование человека путем страданий».¹²² В конце своего творческого пути, когда дорога его жизни привела Уайльда в камеру тюрьмы и он остался один среди каменных стен отвержения и позора, он много и долго читал Достоевского. «Записки из мертвого дома» были одной из тех избранных книг, которые он любил перечитывать в своем заточении. «De profundis» и «Баллада Редингской тюрьмы» хранят на себе следы его горьких раздумий над страницами Достоевского. До конца своей жизни Уайльд сохранил интерес к русским искусству и мысли. В 1895 г. французский журналист встретил Уайльда в Алжире. «Вы заметили, что солнце отгоняет мысли? — говорил ему английский писатель. — Оно заставляет их постоянно скрываться в тени. Прежде в Египте господствовала мысль — теперь страну покорило солнце. Она долго царил в Элладе — теперь же Греция во власти солнца; то же самое в Италии, Франции, и теперь мысль царит только на севере и в России, куда не заглядывает солнце».¹²³ И Уайльд, несомненно, верил в этот свой парадокс: из «полуночной» России блеснул ему яркий свет мысли.

Роберт Луис. Собр. соч.: В 5 т. М., 1981. Т. 1. С. 348). Однако возражения незнакомца на это признание настолько убеждают Маркхейма, что он добровольно отдает себя в руки правосудия. Стивенсон знал также других русских писателей. В письме апреля 1879 г. он упоминал Тургенева (*Stevenson R. L. The Letters... Vol. 1. P. 133*), позднее писал о Л. Н. Толстом (*Memories and portraits. London, 1887. P. 103*), находил, что «Власть тьмы» — это «пьеса, полная силы и правды и, однако, совсем неправдивая» (*Across the plains. P. 209*). См.: *Mandel Kurt. Die Belesenheit von Robert Louis Stevenson mit Hinweisen auf die Quellen seiner Werke. Diss. Erlangen, 1912. S. 126.*

¹²¹ Уайльд Оскар. Полн. собр. соч. / Под ред. К. И. Чуковского. СПб., <1912>. Т. 3. С. 253.

¹²² Там же. Т. 2. С. 339.

¹²³ Лангаард Гальфдан. Оскар Уайльд, его жизнь и литературная деятельность. М., 1908. С. 70.

Интересовался также Уайльд политическими и общественными движениями современной ему России. В конце жизни он говорил своим друзьям, что из современных людей наиболее цельным, законченным и правым он считает князя П. Кропоткина, «прекрасного белого старика, пришедшего из России». В трактате «Упадок лжи», верный себе в своем стремлении выворачивать наизнанку все общепринятые истины, чтобы не показаться банальным, Уайльд писал: «Нигилист — это удивительный мученик без веры, идущий на плаху без энтузиазма и умирающий за то, во что не верит, есть чисто литературный продукт. Он выдуман Тургеневым и завершен Достоевским».¹²⁴ Нас в этом суждении интересует, естественно, не существо мысли Уайльда, но упоминание им русских писателей: они-то и дали ему в какой-то степени, разумеется, сильно искаженное представление о некоторых процессах русской общественно-политической жизни.

Любопытно, что русским «нигилистам» была посвящена и первая пьеса Уайльда; в этом, еще юношеском опыте, написанном им до настоящего знакомства с русскими писателями и потому полным смешных ошибок исторического и нравоописательного характера, Уайльд выдумал не только своих «нигилистов», но и свою Россию, ее властителей и заговорщиков, крестьян и министров, ее юношей, которые отдают себя в жертву грядущему освобождению, ее девушек, которые несут с собою порыв и пламя революционной страсти. Фантастическая Россия, описанная в этой пьесе Уайльда, — это страна гибельных идей и созидательных сил любви и милосердия. Мы имеем в виду его пьесу «Вера, или Нигилисты» («Vera, or The Nihilists», 1880), ни разу не ставившуюся на европейской сцене (и без успеха ставившуюся в Америке), высмеянную в «Punch», не вошедшую в полное собрание сочинений О. Уайльда и долго остававшуюся забытой среди его ранних литературных опытов.¹²⁵ Написанная под впечатлением событий в России

¹²⁴ Уайльд О. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 176.

¹²⁵ Пьеса Уайльда «Vera, or The nihilists» была издана в первый раз в Лондоне (1880), а затем в Нью Йорке (1882) не для продажи; вновь была перепечатана в Лондоне в 1902 г., но с отметкой: «Этого произведения отпечатано только 200 экземпляров для частного пользования»; следующее издание по неисправной копии вышло в 1908 г. см.: *Mason S. Bibliography of Oscar Wilde*. P. 249—281. Об этой пьесе см.: *Sherard Robert Harborough. Life of Oscar Wilde*. London, 1906. P. 189—190, 221—222; *Harris Frank. Oscar Wilde. His life and confessions*. New York, 1930. P. 51—52, 56; *Roditi Edouard. Oscar Wilde*. Norfolk, Connecticut, 1947. P. 16, 40—44, 153—154; *Woodcock G. The paradox of Oscar Wilde*. London; New York, 1949. P. 142—143; *Ojala Aatos. Aestheticism and Oscar Wilde*. Helsinki. 1954. Pt. 1. P. 185—186; см. также: *Brewster Dorothy. East-West passage. A study in literary relationships*. London, 1954. P. 107—108. В русской литературе пьеса мало известна. Ее не включили, например, в два «полных» русских собрания сочинений Уайльда — В. М. Саблина (1905—1909) и А. Ф. Маркса (1912); незамеченными прошли ее беглые персказы, сле-

1880—1881 гг., известных автору из газет, пьеса эта, несомненно, приблизила его к серьезному и вдумчивому изучению русской культуры, литературы. Мы уже видели, что этот интерес непрерывно возрастал у О. Уайльда в течение 1880-х гг. Переводчик Тургенева, внимательный читатель Достоевского, Уайльд в 1887 г. хотел знать биографические подробности об этих писателях. Получил ли он их от О. А. Новиковой? Просимую им статью Новикова, вероятно, не написала, но она, несомненно, делилась с ним своими впечатлениями и воспоминаниями и в какой-то мере поддержала его увлечение русской литературой.

4

В 1883 г. Новикова выпустила в Лондоне книгу «Скобелев и славянское дело» («Skobeleff and the Slavonic cause»). Книга эта вышла вскоре после смерти этого военного деятеля (ум. 26 июня 1882 г.), с которым Новикова была лично знакома и политические симпатии и антипатии которого она вполне разделяла.

По вполне понятным причинам военные походы М. Д. Скобелева на Балканах и в Средней Азии, а также его политические выступления в России и во время заграничных поездок вызвали к нему особенно сильный интерес именно в Англии. Его хорошо знали здесь уже по корреспонденциям с театра военных действий в русско-турецкую кампанию (Мак-Гахан в «Daily News», Брекенбери в «Times»); после его смерти в ряде английских журналов появились о нем довольно обширные статьи вроде «личных воспоминаний» В. Киннерда Роуза об этом «русском Баярде», как его претенциозно назвал английский публицист.¹²⁶ В 1884 г. в Лондоне в английском переводе вышла книга воспоминаний о Скобелеве В. И. Немировича-Данченко, позднее — книга английского хирурга, находившегося под Плевной в турецких вой-

ланные Дионео (В поисках за смыслом жизни // Русское богатство. 1908. № 7. С. 98—102; перепечатано в его кн.: Рефлексы действительности. М., 1910. С. 97—100) и З. А. Венгеровой (Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. Английские писатели XIX века. С. 178—180); впрочем, издан был ее сокращенный и не вполне исправный перевод (Уайльд Оскар. Нигилисты. Пьеса в трех действ. с прологом. Действие происходит в Москве в 1800 г. Перев. с английского Н. Соловьева. М.: «Проблема», 1909). В пьесе много блестящих сцен по живости и остроумию диалога, но она полна грубых промахов во всем, что касается русской истории и быта; так, например, по пьесе Исаакиевская площадь и Зимний дворец находятся в Москве, вместе с «улицей Чернавой» и «башней св. Николая»; «нигилисты» произносят латинские пароли и странные присяги, носят при себе меч, одевают при воротников своих конспиративных квартир в странные желтые костюмы и т. д.

¹²⁶ *Kinnaird Rose W. The Russian Bayard. Personal reminiscences of general Skobeleff // The Fortnightly Review. 1882. October 1. Vol. 38. P. 405—419.*

сках, в которой немало страниц было посвящено Скобелеву, и ряд других изданий.¹²⁷ Однако книга Новиковой не являлась лишь биографией М. Д. Скобелева и рассказом о его походах с русской армией: биографический очерк Скобелева и его характеристика, отчасти на основе его личных воспоминаний, составляют лишь первую часть книги; вторая посвящена «славянскому делу», изложению теории «панславизма» в понимании русских правительственных кругов того времени.

В Европе новая книга Новиковой была встречена с любопытством и заслужила довольно лестную оценку со стороны многих лиц, интересовавшихся восточным вопросом. Биограф Новиковой, Стэд, говоря о впечатлении, которое произвела эта ее книга, замечает: «До сих пор ее „Жизнь Скобелева“ является единственным ясным и популярным объяснением панславизма на английском языке»,¹²⁸ — и цитирует ряд отзывов об этом сочинении политических деятелей и публицистов, которым оно было послано. Бельгийского публициста Эмиля де Лавеле, который тремя годами раньше приветствовал в «Revue des deux mondes» книгу Новиковой о России и Англии, «Скобелев» привел в настоящий восторг. «Я получил вашего „Скобелева“, — писал он, — и проглотил его. Помимо таланта, пронизывающего это произведение, я восхищаюсь духом энтузиазма, которым воодушевлена каждая страница книги. Она не похожа на наши западные издания. Здесь все старо и бесплодно (несозвучно времени). Вы же еще имеете веру, какая была у людей XVIII века».¹²⁹ В таком же роде были отзывы и других политических друзей Новиковой, частью сохранившиеся в ее архиве. Одно письмо в особенности привлекает наше внимание, так как принадлежит крупнейшему английскому писателю второй половины XIX в. — Джорджу Мередиту (1828—1909) и содержит в себе не только отзыв о сочинении Новиковой, но и любопытные автобиографические признаки. Приводим это письмо:

Box Hill, Dorking.
January 16 th 1886.

My dear Madame de Novikoff,

Your «Skobelev» would be very welcome. I have read your printed letters on him, & admire the warrior, regret the loss of him to his Country & to history — our race, that is. Celtic is at home with Slavic, & as I am of the former in blood I have brotherly heart for the Russian.

¹²⁷ *Nemirovich-Dantchenko V.* Personal reminiscences of general Skobelev, transl. from the Russian by E. A. Brayley Hodgetts. London, 1884; *Ryan Charles S.* Under the Red Crescent; adventures of an English surgeon with the Turkish army at Plevna and Erzeroum, 1877—1878. London, 1897. Материалы о Скобелеве в английской печати отмечены в кн.: *Полянский М.* Библиографический указатель литературы, относящейся к биографии М. Д. Скобелева. СПб., 1902. С. 7, 14, 27, 29.

¹²⁸ *Stead.* Vol. 2. P. 177.

¹²⁹ *Ibid.* P. 176.

I will direct my publishers to send you a copy of my first novel «The Ordeal of Richard Feverel» now published in the order of issue. «Beauchamp's Career» & «The Egoist» you might find readable — if you swallow my style, which the English find so hard for them.

They have not yet appeared, & I have no original copy. I have my doubts of the others: «The Shaving of Shagpat» is an Oriental burlesque, middling poetical; «Evan Harrington» a rough comedy; «Emilia in England», called now «Sandra Belloni», a singer of genius, sheer daughter of nature, set in the midst of conventional English middle-class body of damsels bent in scaling society to escape from their vulgarity. «Vittoria» is the sequel in Italy. Et caetera. You shall have your pick of them when you return to us, with my prayer for acceptance.

I see great eulogy of a new work of Dostoévsky's in a French translation.

Believe me

very faithfully yours

George Meredith¹³⁰

Перевод:

Бокс Хилл, Доркинг.

16 января 1886 г.

Дорогая госпожа Новикова,

Буду очень рад вашему «Скобелеву». Я читал ваши опубликованные письма о нем и восхищаюсь воином, сожалею об утрате его для его страны и для истории — то есть нашей расы. Кельтская сродни славянской, и так как я по крови принадлежу к первой, то отношение мое к русским — самое братское.

Я распоряжусь, чтобы мои издатели послали вам экземпляр моего первого романа «Испытание Ричарда Февереля», который сейчас напечатан в собрании сочинений. Возможно, вы найдете «Карьеру Бьючемпа» и «Эгоиста» удобочитаемыми, если только справитесь с моим стилем, который англичане находят для себя слишком тяжелым.

Они еще не появились, а у меня нет ни одного экземпляра первых изданий. Меня берет сомнение относительно других. «Бритье Шагпата» — не слишком поэтичная восточная бурлеска; «Эван Харрингтон» — грубая комедия; «Эмилия в Англии», называемая теперь «Сандра Беллони», — гениальная певица, настоящее дитя природы, которая помещена в пропитанную условностями среду английских буржуазных девиц и стремится подняться по общественной лестнице, чтобы вырваться из вульгарного окружения. «Виттория» — продолжение в Италии. И так далее. Вы сможете выбрать любое, когда вернетесь к нам, и я буду просить принять их в дар.

Я вижу, что очень хвалят новое произведение Достоевского во французском переводе.

Остаюсь

весьма искренне ваш

Джордж Мередит

По-видимому, приведенное письмо следует считать первым письмом Мередита к Новиковой; поводы, заставившие ее послать английскому писателю свою книгу, вышедшую тремя годами раньше, нам неизвестны. Однако нужно полагать, что Новикова заинтересовалась Мередитом не только как писателем, но, будучи осведомлена о его сла-

¹³⁰ ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 78, л. 1—2 об. Цитаты из письма приведены в статье: Zakharov V. George Meredith in Russia // The Anglo-Soviet journal. 1959. Vol. 20. No 2. P. 13.

вянских симпатиях, желала привлечь его в качестве союзника в той политической борьбе, которую она вела и которая вступила в новую фазу после 1885 г.

Как известно, министерство Гладстона, правившее Англией в период между 1880 и 1885 гг., взяло на себя инициативу сближения с Россией и Францией ради ограничения германской гегемонии и противодействия австрийской политике на Востоке. Эта политика не увенчалась успехом из-за маневров Бисмарка, сумевшего совершенно изолировать Англию, и в 1885 г. министерство Гладстона пало, вынужденное очистить место для тори. В результате опять возникла опасность англо-русской войны и воскресли русофобские настроения в английском обществе. Мередит пристально следил за изменениями политического положения и напечатал даже несколько стихотворений по поводу угрозы новой войны в «Pall Mall Gazette», органе, за которым Новикова внимательно следила. Этим, вероятно, и следует объяснить посылку ею Мередиту своей книги о Скобелеве, излагающей принцип русской политики в Азии и официальную теорию «панславизма».

Мередит ответил Новиковой предложением послать ей любое, по ее усмотрению, из его произведений и попутно дал характеристику своего творчества, которая придает особый интерес его письму. Дело в том, что незадолго перед тем Мередит стал выпускать у издателей Чэпмена и Холла (Chapmann and Hall) в Лондоне и братьев Робертс (Roberts) в Бостоне первое собрание своих сочинений, задуманное в 10 томах.¹³¹ Первый том этого собрания составил роман «Испытание Ричарда Февереля. История отца и сына» («The Ordeal of Richard Feverel. A History of Father and Son», 1859), помеченный 1885 г. Мередит прав, называя это произведение своим «первым» романом, так как предшествовавшие его появлению в печати мелкие беллетристические произведения прошли малозамеченными. «Испытание Ричарда Февереля» открыло новую эру в истории английского романа, хотя его значение понято было много позднее. Роман этот явился своего рода «испытанием» английского читателя, которому своеобразная манера Мередита долгое время казалась слишком искусственной, вычурной, надуманной и тяжелой. В «Испытании Ричарда Февереля» Мередит противопоставил два поколения «отцов и детей» современной ему Англии. Главный интерес романа и его новизна для английской литературы 1859 г. заключалась в чрезвычайной тонкости и сложности психологического анализа, в перенесении центра тяжести в романе от описания нравов и обстановки к точному и мелочному изучению внут-

¹³¹ См.: *Esdail Arundell. A chronological list of George Meredith's publications, 1849—1911.* London, 1914. P. 15—16.

ренных мотивов, управляющих действиями его героев.¹³² В ту пору, когда еще были живы и писали и Диккенс и Теккерей, а Дж. Элиот только что выпустила своего «Адама Бида», сложная манера психологического романа Мередита не могла привлечь к себе широкого читательского внимания. Последующие его романы также долгое время оставались в тени. Неудивительно, что в своем письме к Новиковой Мередит предупреждает ее о трудностях языка и манеры повествования в своих лучших романах «Карьера Бьючемпа» (1875)¹³³ и «Эгоист» (1879), которые предполагались к переизданию в том же собрании сочинений (оба вышли в свет в конце 1886 г.); при своем первом появлении они казались «трудными» и «малопонятными» большинству английских читателей.

Мередит, видимо, полагал, что Новиковой интересно будет прочесть и его «политический» роман «Карьера Бьючемпа», в основу которого положена почти та же тема, что и в «Испытании Ричарда Февереля», разрешенная, однако, на совершенно ином материале. Мередит как романист-психолог любил следить за историей интеллектуального развития человека с первых лет сознательной жизни своего героя, стараясь выяснить при этом, как среда и внешние условия содействовали выработке характера. В «Карьере Бьючемпа» изображен юноша, воспитанный своим дядей, непримиримым консерватором; вырастая, юноша приходит к заключению, что принципы, в которых его воспитали, — ложны, а встреча с одним из видных радикалов, в конце концов, делает его не только идейным союзником этой партии, но и превращает в горячего политического борца и агитатора против той системы воззрений, которая была ему навязана с детства. В романе дана интересная картина борьбы политических партий в Англии в начале 70-х гг., ознакомиться с которой было, конечно, поучительно для Новиковой, претендовавшей на то, чтобы играть в ней не последнюю роль. Последующие тома собрания сочинений Мередита должны были быть заняты более мелкими его произведениями, и среди них Мередит предполагал перепечатать и ранние свои беллетристические опыты. План всего издания, по-видимому, еще не был установлен; кроме того, Мередит

¹³² См.: Урнов М. В. На рубеже веков. Очерки английской литературы (конец XIX—начало XX вв.). М., 1970. С. 59—124 (гл. II. Джордж Мередит. (Писатель и его век. Творчество и эксперимент)); *Wrage Emil. Die Psychologie der Charaktere in den Romanen George Meredith's // Die neueren Sprachen. 1910—1911. Bd 18. H. 8—10.*

¹³³ «Карьера Бьючемпа» — одно из немногих произведений Мередита, с которыми русский читатель мог познакомиться сразу после их появления в оригинале; этот роман в русском переводе М. К. Цебриковой печатался в виде приложения к «Отечественным запискам» (1875. Т. 220—223, № 6—12); впрочем, ранее в приложении к «Современнику» (1865. Т. 106—109, № 2—8) был опубликован перевод романа «Эмилия в Англии» (1864).

затруднялся сказать, какое из них он сам мог бы рекомендовать своей русской корреспондентке. И потому он перечислил важнейшие из них, сопроводив свой список краткой характеристикой. «Бритье Шагпата» (1856, переизд. в 1887 г.) — один из ранних опытов Мередита в беллетристическом роде; это восточная сказка, навеянная «Тысяча и одной ночью», весьма туманная по своему символизму и носящая на себе следы хорошего знакомства с немецкой романтической литературой и английской описательной повестью 1820—1830-х гг. Роман «Эмилия в Англии» (1864) в 10-томном собрании сочинений Мередита действительно переименован был в «Сандра Беллони». Героиней его является итальянская певица, богато одаренная натура, настоящее «дитя природы», как ее аттестует автор, живущий в Англии, в чуждой для нее среде, где могут померкнуть и совсем погибнуть ее незаурядные силы. Ей противопоставлены смелая ирландская вдовушка, мистрисс Чэмпс, и Уильфрид Поль, молодой человек без дарований и достаточно ограниченный, которого Эмилия-Сандра нечаянно полюбила. Продолжение этого романа «Виттория» (1867) навеяно было путешествием Мередита по Италии, когда во время войны 1866 г. он был корреспондентом одной лондонской газеты. На этот раз действие переносится в Италию во время революции 1848 г. в Ломбардии. Душою восстания является Сандра. Она разлюбила Уильфрида Поля, убедившись в дряблости его натуры; теперь, когда он находится на австрийской службе, она ненавидит его как врага. Сигнал к восстанию Сандра должна подать заговорщикам со сцены Миланского оперного театра. Так она и делает, едва избегая преследования австрийских властей. Ей помогает молодой валлиец, Мартир Поуис, который, под влиянием Сандры, отдает себя и все свое состояние делу освобождения Италии. Роман интересен, между прочим, и потому, что в нем Мередит, как и во многих других случаях, изучает национальные характеры, противопоставляя их друг другу и следя за теми видоизменениями, какие производит в них несвойственная для них национальная и социальная обстановка. Известно, что одной из излюбленных проблем Мередита была кельтская стихия в английском характере; последним произведением Мередита был фрагмент «Кельт и сакс» («Celt and Saxon»), увидевший свет лишь после его смерти, в 1910 г. Любопытны в связи с этим и начальные строки письма Мередита к Новиковой, где он называет себя кельтом «по крови» и на родстве «кельтской» расы и «славянской» основывает свое «братское» отношение к русским.

Особый интерес представляют для нас заключительные строки этого письма, в которых Мередит упоминает Достоевского. Они являются таким же свидетельством пробуждавшегося в Англии в эти годы интереса к русской литературе, как и приводившиеся выше отзывы и оцен-

ки Оскара Уайльда. Сопоставление Мередита и Достоевского имеет вполне реальный историко-литературный смысл: увлечение автора «Карьеры Бьючемпа» произведениями русского романиста еще более закономерно, чем тяготение к ним автора «Портрета Дориана Грея» и «Саломеи»; последний интересовался ими, по крайней мере в 80-х гг., из эстетического любопытства к неизведанным глубинам психической жизни. Мередита же влекло к Достоевскому сознание их несомненного внутреннего родства. Интерес к зачаточным и наиболее темным явлениям психического мира, стремление объяснить характеры и поступки изнутри, роковым проявлением и развитием основных элементов психики, тяготение к такой форме романа, которая близко подходит к драме по манере противопоставления интересов действующих лиц, — все это несомненно сближает Достоевского и Мередита.

То обстоятельство, что Мередит читал похвалы новому роману Достоевского во французском издании, позволяет отнести его знакомство с произведениями русского писателя к середине 80-х гг., т. е. к тому времени, когда Достоевский, как мы видели, был еще сравнительно мало известен в Англии, и оно прямо свидетельствует о том сочувствии, с которым Мередит следил за своим старшим русским современником.

Любопытно узнать, какой роман Достоевского Мередит имел в виду? В 1886 г. в Париже вышло в свет несколько произведений Достоевского. В переводе Виктора Дерели были изданы «Бесы» (*Les possédés*. Paris, Plon, 2 vols.), до тех пор неизвестные французским читателям. В том же году и тем же издательством выпущено было новое издание «Преступления и наказания» (*Le crime et le châtiment*, traduit par Victor Derely); предшествующие издания этого перевода вышли в 1884 и 1885 гг.¹³⁴ Именно издание 1886 г. получило восторженную оценку в английском «Athenaeum», где писали, что этот роман «полон реализма, но такого реализма, о котором Э. Золя и его последователи не могут и мечтать».¹³⁵ Наконец, в том же 1886 г. в Париже переизданы были еще и «Записки из мертвого дома» в переводе М. Нейру и с предисловием Э.-М. де Вогюе (1-е изд. 1884 г.). Поскольку Мередит говорит о «новом» романе Достоевского, можно было бы думать, что речь идет о «Бесах» и что он знал также и его другие романы, ранее переведенные на французский язык, однако слова: «Я вижу, что очень хвалят новое произведение Достоевского», скорее всего, имеют в виду упомянутую

¹³⁴ См.: *Boutchik Vladimir*. Bibliographie des oeuvres littéraires russes, traduites en français. Tourguénev, Dostoevski, Léon Tolstoi. Paris, 1948. P. 31, 34.

¹³⁵ The Athenaeum. 1886. January 16. No 3038. P. 99—100.

статью в «Athenaeum», и в этом случае речь идет о «Преступлении и наказании».

Приведенное письмо Мередита не единственное, сохранившееся в архиве О. А. Новиковой. К нему примыкает второе письмо, написанное около того же времени и лишний раз свидетельствующее о его близком знакомстве с Ольгой Алексеевной; на этот раз, впрочем, повод для письменного обращения к ней Мередита был совершенно иной. Приводим это письмо по подлиннику:

Box Hill, Dorking,
January 28th 1886.

My dear Madame de Novikoff,

The enclosed sonnet was printed in the Pall Mall Gazette at the time when you & the editor at a distance were striving to bring about an understanding between Russia and England hands on hilts. It is of small worth poetically. I struck on it by accident & imagined it might haply please you to think that we were of one mind in those days. A fair expedition homeward to you, and as prompt a return as may be.

I am

very faithfully yours

George Meredith¹³⁶

Перевод:

Бокс Хилл, Доркинг,
28 января 1886 г.

Дорогая госпожа Новикова,

Прилагаемый сонет был напечатан в «Pall Mall Gazette» в то время, когда вы и редактор вдальке стремились вызвать взаимопонимание между Россией и Англией, готовыми к бою. Поэтическая ценность этого сонета невелика. Я наткнулся на него случайно и подумал, что вам, возможно, приятно знать, что мы были единомышленниками в те дни. Счастливого вам пути домой и скорейшего по возможности возвращения.

Весьма искренне ваш

Джордж Мередит

В конверт с этим письмом вложена вырезка из «Pall Mall Gazette»,¹³⁷ заключающая в себе сонет, о котором говорит Мередит:

On the danger of War

Avert, High Wisdom, never vainly woo'd,
This threat of War, that shows a land brain-sick.
When nations gain the pitch where rhetoric
Seems reason they are ripe for cannon's food.
Dark looms the issue though the cause be good,
But with the doubt 'tis our old devil's trick.
O now the down-slope of the lunatic

¹³⁶ ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 78, л. 4—5. Цитаты из письма приведены в статье: Zakharov V. George Meredith in Russia. P. 14.

¹³⁷ Pall Mall Gazette. 1885. May 1.

Illumine lest we redden of that brood.
For not since man in his first view of thee
Ascended to the heavens giving sign
Within him of deep sky and sounded sea,
Did he unforfeiting thy laws transgress;
In peril of his blood his ears incline
To drums whose loudness is their emptiness.

George Meredith.

Перевод:

На угрозу войны

Отведи, Высшая Мудрость, к которой никогда не взываем напрасно,
Эту угрозу войны, свидетельствующую о том, что страна обезумела.
Когда народы достигают того предела, где риторика
Кажется разумом, они созрели, чтобы стать пушечным мясом.
Исход таится во тьме и при благой цели,
Но если она сомнительна, так это лишь козни старого дьявола.
О пролей свет на ту пропасть безумца,
Чтобы нам не краснеть от того, что мы наплодили.
Ибо с тех пор, как человек, впервые узрев тебя,
Стал подниматься ввысь, открывая в себе
Глубь небес и морскую пучину,
Он не позволял себе преступать твои законы;
С опасностью для жизни он преклоняет свой слух
К барабанам, чей грохот от их пустоты.

Джордж Мередит.

5

Голод 1891—1892 гг. в России, охвативший многие губернии, по своим размерам настолько превосходил аналогичные бедствия прошлых лет, что волна сочувственного движения прокатилась по всему миру. В России неурожай вызвал известные «Отчеты» Л. Н. Толстого, «В голодный год» В. Г. Короленко, статьи Вл. Соловьева и Ник. Федорова; много внимания уделила ему и западноевропейская печать. Воззвание гр. С. А. Толстой нашло живой отклик не только в России, но и за границей, особенно в Англии, где, по свидетельству современника, «движение в пользу сбора пожертвований для голодающих в России быстро приняло обширные размеры: кроме подписок, открытых для этой цели редакцией „Nineteenth Century“, г-жей Новиковой, романисткой Гесбой Стретам и квакерами, которые послали своих представителей на места голода в Россию, основан фонд для оказания помощи России (Russian Relief Fund) <...> Печатая свое воззвание к благотворителям, учредители этого фонда, лорд Моксвель и Джилберт-Коль-

ридж, заявляли, что часть собранных денег будет роздана на месте делегатами квакеров, а другая часть послана графу Льву Толстому, письмо которого к нам было напечатано во всех газетах».¹³⁸ О. А. Новикова в своих воспоминания «В Англии» и «Письмах из Англии» также приводит ряд данных, свидетельствующих о том впечатлении, какое известия о русском голоде произвели в англосаксонском мире. Квакеры организовали митинги по всей Англии, на которых собрано было около 40 000 фунтов стерлингов. Сумма эта отвезена была в Россию Бруксом и Уильямом Фоксом.¹³⁹ Сама Новикова отправила из Лондона в адрес комитета помощи, организованного ее сыном, Александром Новиковым,¹⁴⁰ в Козловском уезде, Тамбовской губернии, около 50 000 франков, присланных ей со всех концов света — из Индии, Америки, даже Африки; О. А. Новикова вспоминает, что на ее призыв откликнулись многие «выдающиеся англичане», среди которых она в первую очередь называет Гладстона с женой.¹⁴¹

В архиве Новиковой сохранилось вызванное тем же движением письмо к ней известного англо-американского писателя Генри Джеймса (James, 1843—1916), который 7 февраля 1882 г. посылал, как он выражался, «малую лепту» (little obole) в размере пяти фунтов стерлингов в фонд помощи голодающим.¹⁴² К тому времени Генри Джеймс уже прочно обосновался в Англии, где занял место одного из выдающихся прозаиков, в манере письма которого угадывали несомненные следы влияния русской литературы, в частности Тургенева, горячим поклон-

¹³⁸ Лев Толстой и голод. Сборник под ред. Ч. Ветринского. Нижний Новгород, 1912. С. 126—127.

¹³⁹ *Novicoff O. de. En Angleterre.* P. 44; *Новикова Ольга.* Письма из Англии // Русское обозрение. 1893. Т. 19. № 2. С. 786 (здесь содержится ссылка на журнал квакеров *The Friend*. 1892. January 22, где приведен отчет Брукса и Фокса об их поездке в Россию). О голоде в России и об отношении к нему иностранных наблюдателей см. также в другом из «Писем из Англии» Новиковой (Русское обозрение. 1893. Т. 21, № 5. С. 303—304), в частности, о книге: *Edgar W. C. The Russian famine of 1891 and 1892.* Minneapolis, 1893; см. сочувственный отзыв об этой же книге в статье: *Е. Г. Мнение американца о России* // Русское обозрение. 1893. Т. 21, № 6. С. 757—764; см. также: *Stadling Jonas. With Tolstoy in the Russian famine* // *The Century*. 1893. New York. Vol. 46. P. 249—263; *Stadling Jonas, Reason Will. In the land of Tolstoy; experiences of famine and misrule in Russia.* New York, 1897.

¹⁴⁰ См.: *Stead.* Vol. 2. P. 292—293, с портретом А. И. Новикова. Александр Иванович Новиков (1861—1913) — общественный деятель и публицист, в 1902—1904 гг. бакинский городской голова. Начав свою деятельность крайним консерватором (земский начальник, суровый к крестьянам), он радикально изменил свои взгляды и принял участие в освободительном движении, не раз подвергаясь репрессиям.

¹⁴¹ *Novicoff O. de. En Angleterre.* P. 44.

¹⁴² ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 53. Письмо и перевод его опубликован Г. Б. Грубманом: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 276—278.

ником которого он был с начала 70-х гг.¹⁴³ Тургенев возбудил у Джеймса интерес к русской жизни, о которой американский беллетрист не раз говорит и в своих романах. Быть может, отчасти благодаря этому Джеймс одним из первых откликнулся на призыв оказать помощь голодающей русской деревне.

Но Джеймсу, вероятно, были известны также и статьи о голоде Л. Н. Толстого, получившие в Англии широкое распространение, послужившие для его семьи даже поводом ко многим тревогам. Когда эти статьи в русских изданиях не смогли появиться полностью, часть из них под заголовком: «Отчего голодает русский мужик?» была напечатана в «Daily Telegraph» корреспондентом английских изданий Э. Диллоном (он писал под псевдонимом E. B. Lanin).¹⁴⁴ «Московские ведомости» перевели с английского (с новыми искажениями) перевод английской газеты и создали вокруг слов Толстого шум, встревоживший семью Льва Николаевича и его друзей.¹⁴⁵ С. А. Толстой пришлось тогда печатно опровергать слухи о карах, якобы направленных против

¹⁴³ Личное и творческое отношение Джеймса к Тургеневу неоднократно являлось предметом научного исследования у нас и за рубежом; см.: *Елистратова А. А.* Вильям Дин Гоулс и Генри Джеймс // Проблемы истории литературы США. М., 1964. С. 248, 273—276; *Левин Ю. Д.* Новейшая англо-американская литература о Тургеневе // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 526, 531, 538; *Морозова Т. Л.* Уроки русского мастера. Джеймс и Тургенев // Филологические науки. 1973. № 4. С. 28—39; *Гвоздева Г. А.* Г. Джеймс и И. Тургенев // Литературные связи и традиции. Межвузовский сб. Горький, 1974. Вып. 5. С. 55—66; *Грубман Г. Б.* 1) Тургенев и Генри Джеймс // Север. 1975. № 7. С. 105—111; 2) О тургеневских источниках «первого» романа Генри Джеймса // Научные труды Курского пед. ин-та. 1976. Т. 56 (152). С. 154—166; *Шерешевская М. А.* И. С. Тургенев в письмах Генри Джеймса // Русская литература. 1983. № 2. С. 133—142; *Lerner Daniel.* The influence of Turgenev on Henry James // The Slavonic and East European review. 1941. Vol. 20. No 1. P. 28—54; *Seznec Jean.* Lettres de Tourguéneff à Henry James // Comparative literature. 1949. Vol. 1. No 3. P. 193—209; *Phelps G.* The Russian novel... P. 71—87 (ch. VII. The beautiful genius. Turgenev's influence in the novels and short stories of Henry James); *Hamilton Eunice C.* Henry James's «The Princess Casamassima» and Ivan Turgenev's «Virgin soil» // The South Atlantic quarterly. 1962. Vol. 61. No 3. P. 354—364; *Edel Leon.* Henry James. The conquest of London, 1870—1881. Philadelphia, 1962. P. 201—214; *Peterson D. E.* The clement vision. Poetic realism in Turgenev and James. Port Washington; New York; London, 1975. К Толстому и Достоевскому Джеймс, напротив, относился равнодушно, называя их произведения «жидкими пудингами» (fluid puddings: *James Henry.* The letters. Ed. by Percy Lubbock. New York, 1920. Vol. 2. P. 237).

¹⁴⁴ *Эмиль Дюжозеф (Эмилий Михайлович) Диллон* (Dillon, 1854—1933) — корреспондент газеты «Daily Telegraph», долго живший в России, написал много статей о России и русской литературе, переводил Л. Толстого и встречался с ним в 1890 г., что отразилось в книге: *Dillon E. J.* Count Leo Tolstoy, a new portrait. London, 1934; опубликованное там письмо к Толстому Вл. С. Соловьева, с которым Диллон был дружен, перепечатано: Литературное наследство. М., 1939. Т. 37—38. С. 272. Очерк Диллона «Александр II» был издан в Париже в 1893 г. группой народолюбцев (перепечатан: Голос минувшего. 1917. № 5—6. С. 84—95).

¹⁴⁵ См.: Лев Толстой и голод. С. 127.

ее мужа. Все это оживленно обсуждалось в английской печати в то самое время, когда Генри Джеймс посылал свою «лепту» О. А. Новиковой. Когда и при каких обстоятельствах состоялось его знакомство с ней, нам неизвестно.

К 1890—1900-м гг. относится ряд собранных в архиве Новиковой писем к ней других английских литературных деятелей; по разным поводам к ней обращались Мари Корелли,¹⁴⁶ Ричард Уай-

¹⁴⁶ ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, ед. хр. 33. *Мари Корелли* — сенсационная романистка, автор спиритических и экзотических романов (*A romance of two worlds*, 1886; *Barabbas*, 1893; *The sorrows of Satan*, 1895, и др.). Приводим одно из сохранившихся двух писем к Новиковой:

Monday

Dear Madame Novikoff.

I do hope you will give us the pleasure and honour of welcoming you here on Sunday next in the afternoon. At *no* house will you receive a more *sincere* and may I say? — affectionate welcome! I cannot very well express in words how my heart has been stirred by your heroism and fearlessness in all the great and burning questions of Russia — with all my soul I admire *brave women*, and my pride in them outruns all language — for are they not giving added glory to my sex? — and proving, in many cases (as in yours), that the heart of a women is as indomitable and strong as the heart of a man!

With many salutations

Believe me

Admiringly yours

Marie Corelly

47 Longridge Road

Earl's Court

S. W.

На конверте:

Madame Olga Novicoff

Claridge's Hotel

Brook Street

Перевод:

Понедельник

Дорогая госпожа Новикова.

Надеюсь, что вы доставите нам удовольствие и честь пригласить вас сюда в следующее воскресенье днем. *Ни в одном доме* вы не встретите более *искреннего* и — смею сказать? — нежного приема! Не могу достаточно хорошо выразить словами, как было тронуто мое сердце вашим героизмом и бесстрашием во всех этих огромных и жгучих вопросах России — всей своей душою я восхищаюсь *смелыми эссенциалами*, и язык не способен передать, как я горжусь ими — ибо разве они не приумножают славу моего пола? и не доказывают во многих случаях (как, например, в вашем), что сердце женщины столь же неукротимо и сильно, как и сердце мужчины!

Со множеством приветов

Остаюсь восторженно ваша

Мари Корелли

47 Лонгридж Роуд

Эрлз-Корт

Юго-запад.

тинг¹⁴⁷ и др. Но это было время, когда «героический» период ее деятельности в Англии остался уже позади. Она по-прежнему продолжала писать и в английской и в русской прессе, по-прежнему вела открытый образ жизни, любя собирать в своей лондонской гостиной чем-либо примечательных людей, по-прежнему сохраняла острый интерес к текущей общественной и политической жизни обеих стран, сближению которых она посвятила свою жизнь. Но круг ее близких друзей и соратников все более редел, и она все чаще обращалась к воспоминаниям...

На конверте:

Госпоже Ольге Новиковой
Клариджес отель
Брук стрит

Письмо не датировано, но лондонский штемпель на конверте имеет дату: MR 2 93, т. е. 2 марта 1893 г.

¹⁴⁷ *Ричард Уайтинг* (Whiteing, 1840—1928) — писатель и журналист, известный своими романами: «Democracy» (1876), «The Island» (1888), «No. 5 John Street» (1899), «All Moonshine» (1907) и др. Приводим его письмо:

13, Regent's Park Terrace
Gloucester gate
N. W.
20th May 1909

Dear Madame de Novicoff,

I avail myself of your kind permission to call for a cup of tee. To-morrow Friday is the only day I have free this week, but I have Monday, Tuesday and Friday of next week (24th, 25th and 28th) free; if any these days would find you disengaged.

Very sincerely yours

Richard Whiteing

Перевод:

13, Ридженс-Парк-Террас
Глостер-Гейт
Северо-запад
20 мая 1909 г.

Дорогая госпожа Новикова,

Я воспользуюсь вашим любезным приглашением зайти на чашку чая. Завтра, в пятницу, мой единственно свободный день на этой неделе, но я буду свободен в понедельник, вторник и пятницу следующей недели (24-го, 25-го и 28-го), если в какой-либо из этих дней вы не были бы заняты.

Искренне ваш

Ричард Уайтинг

Письмо, хранившееся в ИРЛИ, в настоящее время утрачено; воспроизводится по копии, снятой в 1930-е гг. М. П. Алексеевым.